

ГЛАВЛАГ VI A ХЕМЕР

Лагерь военнопленных

1939 - 1945

Документация

STALAG VI A HEMER

Kriegsgefangenenlager

1939 - 1945

-Eine Dokumentation-

ГЛАВЛАГ VI A ХЕМЕР
Лагерь военнопленных
1939 - 1945
Документация

STALAG VI A HEMER
Kriegsgefangenenlager
1939 - 1945
-Eine Dokumentation-

ГЛАВЛАГ VI А ХЕМЕР

Лагерь военнопленных

1939 - 1945

Документация

STALAG VI A HEMER

Kriegsgefangenenlager

1939 - 1945

-Eine Dokumentation-

Эта документация посвящается тем
многим тысячам людей,
которые томились в плену
в Главном лагере VI А,
где многие из них
нашли свою смерть.

Издатели благодарны бывшему пленному
доктору Николаю Ивановичу Губареву
за его неутомимые старания
по разъяснению прошлого и за
стремление к примирению народов.
Без его почина - не вышла бы эта документация.

***УПОКОЙ, БОЖЕ, РАБА ТВОЕГО И УЧИНИ ЕГО В РАИ,
ИДЕЖЕ ЛИЦЫ СВЯТЫХ, ГОСПОДИ, И ПРАВЕДНИЦЫ
СИЯЮТ ЯКО СВЕТИЛА.***

***УСОПШАГО РАБА ТВОЕГО УПОКОЙ,
ПРЕЗИРАЯ ЕГО ВСЯ СОГРЕШЕНИЯ.***

(Из чина погребения мирских человек)

**HERR, LEUCHTENDE SONNE,
ERWÄRME UND ERHELLE DIE
BLEIBE DER VERSTORBENEN.
MÖGE VERSCHWINDEN DIE
BITTERE ZEIT DER TRENNUNG
UND GIB UNS EIN FROHES
WIEDERSEHEN BEI DIR.**

**ГОСПОДИ, ЯСНОЕ СОЛНЦЕ,
СОГРЕЙ И ОСВЕТИ
ПРИСТАНИЩЕ УСОПШИХ.
ДА ИСЧЕЗНЕТ
ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ РАЗЛУКИ
И ДАЙ НАМ РАДОСТНУЮ
ВСТРЕЧУ У СЕБЯ.**

ГЛАВЛАГ VI A ХЕМЕР
Лагерь военнопленных 1939 - 1945

Документация для русскоязычных читателей

По заказу города Хемер
и Народного университета городов
Менден, Хемер, Бальве.

Издатели:
Ганс-Герман Штопзак
Эберхард Томас

Хемер 1996

Над иллюстрациями и текстом
работали:

Герман-Йозеф Гайсманн

Петер Клаггес

Карл-Хайнц Люлинг

Эмиль Нэнзель

Мартин Й. Потт

Арно Г. Штопзак

Ганс-Герман Штопзак

Эберхард Томас

Перевёл из немецкого

Ян Пиотровски

при участии Ларисы Беннер

Корректор

Татьяна Кувшинова

Городское Управление Хемер
Хадемареплатц

58675 Хемер
ФРГ

Stadtverwaltung Hemer
Hademareplatz

58675 Hemer
BRD

Вступительное слово бургомистра города Хемер

Дорогая читательница! Дорогой читатель!

После того, как братским могилам военнопленных был придан достойный облик, оборудован мемориал у бывшего Главлага VI А (в 1992), и было создано памятное место у сегодняшней казармы им. Блюхера, эта брошюра повествует о пробеле в воспоминаниях об одном из самых больших лагерей для военнопленных во время второй мировой войны. 14 апреля 1995 года, ко дню пятидесятилетия освобождения лагеря в Хемере, городом Хемер и городским Народным университетом была издана обширная документация.

Так как эта брошюра, выходя за пределы местного значения, вносит лепту к уменьшению расовой ненависти и вражды между народами и подразумевается как призыв к человечности, то, следовательно, должна быть доступной русскоязычным читателям.

Я благодарю авторов этой брошюры за дополнительную работу над ней, переводчика за его труды и участников экуменического богослужения ко дню 50-й годовщины начала войны, которые своими великодушными пожертвованиями поддержали выпуск этой брошюры.

На происходившие в то время события внутри и вокруг Главлага VI А город Хемер не мог повлиять, так как лагерь подчинялся только немецкому вермахту. Сегодня, однако, город считает своим моральным долгом изложить свою историю открыто и без каких-либо прикрас.

Эта брошюра предназначена прежде всего всем тем, кто страдал в лагере, родственникам и друзьям погибших, и, сверх того, всем советским военнопленным в бывшем немецком рейхе.

Я прошу Вас принять эту брошюру как содействие в разъяснении судеб советских военнопленных и как призыв к примирению и гуманности – 50 лет после окончания войны, которая принесла столько горя советским людям.

Хемер, сентябрь 1996 года

Хейнц Эоманн

Введение от издателей

14 апреля 1945 года американские войска освободили из Главного лагеря VI A в Хемере 23000 военнопленных.

Спустя 50 лет была представлена общественности первая обширная документация. Через неполных два года предлагается настоящая публикация на русском языке. Как появились эти, уже давно нужные опубликования?

В середине сентября 1990 года бывший военнопленный этого лагеря, доктор Николай Иванович Губарев, передал заместительнице бургомистра города Хемер свои записи: "Мои воспоминания о времени в Главлаге VI A в Хемере". Она в то время пообещала напечатать эти воспоминания, и они продолжениями публиковались в местной печати в течении следующих дней. Старания Губарева по разъяснению истории Главного лагеря и по улучшению взаимопонимания между странами-наследницами СССР и Германией побудили город Хемер принять меры по издательству более обширной публикации, касающейся истории Главлага VI A. До этого времени существовала только составленная в 1982 году "Гражданской инициативой за мир и разоружение" брошюра, которая содержала самые важные факты, но была довольно коротка.

Целью нынешней публикации является показ исчерпывающей документации, удовлетворяющей научно-историческим принципам.

17 сентября 1993 года кружок добровольных сотрудников Народного университета приступил к работе. Ответственным за весь проект, до самого опубликования результатов в форме книжки, был город Хемер, представленный ведомством культуры и архивом, совместно с Народным университетом городов Менден, Хемер, Бальве. Руководство кружком сотрудников поручили заведующему архивом, библиотекарю города Эберхарду Томасу и руководителю Народного университета, историку Ганс-Герману Штопзаку. Планирование и финансирование книги приняло на себя ведомство культуры.

Работа над этой брошюрой оказалась трудоёмкой, так как, за исключением немногих документов в городском архиве, на месте не имелось никаких подлинных записей, и не было возможности их получить. Релевантные материалы нужно было разыскивать в многочисленных архивах Германии и за границей, просматривать их на месте или делать копии. Самые важные, выпущенные уже в последние, годы публикации, касающиеся принудительных работ в Третьем рейхе, а также отдельных лагерей, послужили информацией и основанием для этой работы.

Корреспонденция и сводки бывших пленных из Франции, Италии, Польши и России дали столько деталей, что они наполнили образ Главлага скорбной жизнью. Несмотря на свой преклонный возраст здешние и заграничные очевидцы с неожиданно большой готовностью

сообщили в разных формах о своих переживаниях и предоставили материалы (документы, снимки и т.д.).

Устные сообщения о лично пережитых событиях восстановили многое, что спустя несколько лет безвозвратно ушло бы в забвение. Авторы надеются, что, по архивным документам и показаниям свидетелей того времени, можно будет представить себе постоянное и соответствующее национал-социалистической расовой идеологии пренебрежение к достоинству человека и беспощадную эксплуатацию рабочей силы пленных. Также явственным покажется, что Главлаг являлись типичной составной частью террора в лагерной системе национал-социалистического государства. Идеология и техника фашизма проявляются не в последнюю очередь в лагере для военнопленных, даже в таком маленьком городке как Хемер. Национал-социалистическое государство существовало не абстрактно и неуловимо где-то в Берлине, Нюрнберге или в ставке фюрера, но также со всей своей жестокостью у дверей собственного дома. Таким образом, эта брошюра подразумевается как документация темнейшей эпохи немецкой истории - увидено, пережито и выстрадано здесь: вне и за колючей проволокой.

Опубликование этой брошюры в апреле 1995 года неожиданно получило сильный и широкий резонанс. 50 лет после освобождения лагеря и после расформирования существовавших так долго проклятых блоков на востоке и на западе окончательно сняты запреты.

После того, как в шестидесятых годах национал-социалистическая эпоха была описана в научной литературе как "Мировая история", лишь теперь была подготовлена почва к открытому разъяснению всех последствий и преступлений.

Первое издание этой брошюры было распродано в течение четырёх дней. Затем последовали ещё два дальнейших издания, так что до настоящего времени распродано 2000 экземпляров в Хемере, в соседних и отдалённых городах; так как пресса, радио и телевидение обратили внимание на Главлаг VI A и на эту брошюру.

"В памяти - секрет примирения", - сказал немецкий федеральный президент Рихард фон Вайцзекер. Брошюра о Главлаге VI A хочет способствовать примирению между бывшими противниками, передавая историческую правду без прикрас. Но до сих пор книгу могли читать только знающие немецкий язык. Большинству бывших советских граждан, бывшим военнопленным, их родственникам и друзьям, то есть потерпевшим, брошюра оставалась недоступной. Чтобы заинтересованные русскоязычные читатели также получили возможность познакомиться с историей самого большого лагеря для военнопленных на немецкой земле, снова собралась группа сотрудников Народного университета и с осени 1995 по лето 1996 года переделала текст брошюры о Главлаге на манускрипт для русскоязычных читателей. Было бесполезно переводить всю брошюру,

содержащую более 220 страниц с объёмистой частью сносок и ссылок, которые не принесут пользы русскоязычному читателю; её следовало бережно сократить и переписать. Отпали главы, которые касаются исключительно французских, бельгийских, польских и итальянских военнопленных. Некоторые пассажи сократились в отдельных деталях, остались только один источник или одно доказательство из двух подобных и т.п. Почти не сокращены все главы и разделы, содержание которых может заинтересовать бывших советских военнопленных, их родственников или читателей, которые интересуются историей.

Из-за технических причин, а также ради более удобного чтения, пришлось отказаться от пометок и сносок, ссылок на источники и литературу. Желаящие получить полную информацию могут найти её в немецком издании (Stalag VI A Hemer. Kriegsgefangenenlager 1939-1945 - Eine Dokumentation, herausgegeben von Hans-Hermann Stopsack und Eberhard Thomas, Hemer 1995), в котором каждая цитата документально доказана и где указаны все источники.

Авторы и издатели надеются внести данной брошюрой свою лепту в устранении пробела в русской литературе о военнопленных; тем более, что эта тема и в России долгое время умалчивалась. Они надеются прежде всего, что приблизились к исторической истине и, занимаясь этой ужасной правдой о судьбах военнопленных, содействуют примирению между бывшими противниками. Неприкрашенная документация о бесправии, жестокости, расовой ненависти и бесчеловечности возможно благодаря своей честности будет лучше всех красивых слов способствовать праву, терпимости, взаимопониманию и человечности.

1. Хемер в прошлом и ныне

Населённый пункт Хемер расположен в долине Зауэрланда. Зауэрланд иногда называют "землёй тысячи гор", он является частью земли Северный Рейн-Вестфалия в Федеративной Республике Германии. На севере Зауэрланда, в 30ти километрах от большого города Дортмунда, и находится Хемер. На западе город Хемер граничит с городом Изерлон.

Длинная история у города Хемер. Первые воспоминания о нём находятся в летописях 1072 года. В то время маленький посёлок, состоящий из нескольких крестьянских дворов, назывался "Хадемаре". Но уже и тогда существовала церковь, построенная в честь святого Витуса. Возле церкви стоит здание, которое называется "Дом Хемера" - это замок на воде с пристройками, конюшнями и амбарами. Создание этой постройки относится к 10 столетию, а другие исследователи уверены, что уже в 8 веке, т.е. во время царствования Карла Великого, на этом месте находились замок и церковь св. Витуса. Существующее

сегодня здание "Дом Хемера" было построено в 1610-1612 годах. Во время реставрации постройки (в 1980-1985гг.) было установлено, что стены подвалов и фундаменты намного старше здания. "Дом Хемера" служит сегодня детским садом, а на верхнем этаже находятся помещения для общественных мероприятий и для частных празднований. "Дома Хемера" называют истоком города и "гостиной города".

Другие старинные здания города: Эдельбург - возможно ровестник "Дом Хемера", который служит жилым домом владельцу. Евангелическая церковь в Дайлингхофене, который сегодня является пригородом Хемера. Приходской костёл св. Петра и Павла находится вблизи "Дома Хемера". Этот костёл, в стиле барокко, был освящён в 1700 году.

С этих трёх древних строительных комплексов и благодаря положению в долине развивалась в течение столетий застройка города. По долине течёт ручей Оэзе, который давал работу и хлеб поселившимся здесь жителям. Уже столетия до нас гидроэнергия способствовала открытию небольших промышленных предприятий. Сначала тут вычерпывали бумагу, потом добавилась металлургическая промышленность. В различных местах стали находить и добывать железную руду. Везде по долинам строились проволочные, а позже и машиностроительные заводы. Между заводами - жилые посёлки. По главной долине протянулась дорога, которая стала главной улицей города.

В прошлом столетии прибавилась железная дорога, которая протянулась по долине Хемера и соединила города Изерлон и Менден. Сегодня возле города проходит федеральная дорога Б7. Лет 15 назад на западе города построили подвод к сети автострэд, к А46. В 1885 году в Хемере было 3435, а в 1928 году 13687 жителей.

Лишь в 1936 году Хемер становится городом. Коммунальное управление ведётся ведомством, которое было введено прусским королём. Хемерское ведомство заведует также и небольшими деревнями: общиной Бэке, Ландхаузен, Дайлингхофен, Фрэнзберг, Имерт и Эвингхаузен. В 1975 году эти деревни, с небольшими урезками, вошли в состав нового города Хемера с населением 36305 жителей (на 1995).

Естественно, что в течение времени, особенно после второй мировой войны, город сильно изменился: были построены новые жилые районы на холмах вокруг Хемера, многие промышленные предприятия были перенесены в особые районы для промышленности. Однако до сих пор в городе находятся предприятия среднего сословия, и посетитель всегда может наблюдать структуру города.

Как и прежде, Хемер расположен в лесистой местности и охотно посещаем как ближнее место отдыха. В особенности достойным упоминания является "Скальное море" - испещрённый дикими

расщелинами заповедник, который вклинивается от пригорода Дайлингхофен почти в сам центр города. Центр города состоит преимущественно из новых строений, возникших за последние 25 лет. Наряду с магазинами и жилыми домами, в центре города построили новую церковь, плавательный бассейн в закрытом помещении, банки, почту и здание городской администрации в восьмиэтажном высотном доме.

Когда в 1936 году Хемер стал городом, ему также полагалось стать гарнизоном. Непосредственно вблизи "Скального моря", на огромной территории вырыли котлован под фундамент военного сооружения из восьми казарменных блоков. Постройка блоков ещё не кончилась, когда началась вторая мировая война. Постройки и территория предназначались теперь под лагерь для военнопленных. Дополнительно разбили палаточный лагерь. Военнопленных: поляков, французов, бельгийцев и советских людей разместили или вернее загнали в этот лагерь с условиями проживания, недостойными человека. Город Хемер не был к этому подготовлен. Хотя в Хемере и находился полустанок железной дороги, используемый для транспортировки пленных из военных регионов в Хемер, но улицы города были только частично мощёнными, преимущественно это были полевые дороги без канализации; и городское движение, а особенно увеличившийся подвоз продовольствия и угля оказались трудными. В течение многих месяцев строилась в центре города канализация и достраивалась главная улица в меру существующих тогда возможностей. Дополнительно, в сегодняшнем пригороде Бэке, строился большой отстойный бассейн - как видно город находился в хаосе. Когда, наконец, установилось урегулированное движение трамваев, прекратилось снабжение продуктами питания первой необходимости.

При этом лишь немногие пленные солдаты могли найти работу в хемерской промышленности. Лагерь был скорее всего административным центром, из которого пленные посылались на работу в Дортмунд и в другие города Рурской области и в который, до самого прихода американских войск в апреле 1945 года, возвращались эксплуатированные, больные и истощённые люди, обречённые на гибель. Ужасные страдания были очевидны жителям Хемера. Для многих, которым фашистский режим был бельмом на глазу, этот лагерь был ужасом, и они сочувствовали всем бедным заключённым.

Менталитет хемеран считается провестфальским, то есть твердолюбим; они скорее всего молчаливые и упрямые. Относятся ко всему критично. Всё новое взвешивается и долго осматривается, прежде чем претворяется в жизнь. К чужим людям хемеранцы относятся с отчуждением. Следует "съесть пуд соли" друг с другом, прежде чем они начнут относиться к чужому с уважением. После второй мировой войны многое переменилось: с востока прибыло сюда, как и во всю страну, много беженцев и переселенцев. Такая смесь способствовала

тому, что люди стали более открытыми. Наконец-то деревенский хемеранец стал оборотливым гражданином. Это не противоречит раннему периоду индустриализации. Но в те ранние исторические времена нашего населённого пункта Хемер лишь немногие путешествовали, занимались торговлей, несколько оживляя жизнь. Даже сегодня многие посёлки свидетельствуют об этом. Это касается не только вилл фабрикантов, но также и простых домов трудящихся в жилых посёлках. Перед началом первой мировой войны в разных частях города группами возводились простые жилые дома. После последней мировой войны во всех кварталах города были построены жилые районы. Достойным особого упоминания является факт, что почти все эти районы расположились в спокойных местах, вблизи лесов. После второй мировой войны были созданы новые промышленные районы, в которые переселились из центра города промышленные предприятия, и перенеслись или открылись новые отрасли промышленности, например: обработка пластмассовых изделий. Один пример: фирма "Троге"- известная во всём мире фабрика арматур - находилась в центре города, а была перенесена в промышленный парк Эдельбург на севере его.

Наряду с промышленностью, Хемер предоставляет будущим поколениям школы во всех районах города. Во всех пригородах находятся также детские сады. Есть начальные и общеобразовательные школы, реальное училище, гимназия и вечерний Народный университет. После войны почти все школы находятся в заново построенных зданиях. К тому же Хемер - город больниц: две частные клиники им. Парацельсуса обеспечивают основные потребности жителей; два следующих больничных заведения - это специальные клиники: лёгочная клиника и психиатрия им. Ганс-Принцгорна во Фрэнсберге, расположенная в привлекательной местности с красивым ландшафтом. Три дома престарелых заботятся о пожилых жителях.

Хемер остался гарнизонным городом. Бывший лагерь военнопленных Главлаг VI А перестроен в казармы им. Блюхера. В настоящее время около 1300 солдат (танкисты) несут здесь службу. Армейские сооружения в Дайлингхофен, построенные для канадских воинских частей НАТО, после распада Варшавского договора и последующего вывода иностранных войск, напоследок английских солдат, стали арсеналом для различных целей. Здесь, между прочим, намереваются открыть ремесленные предприятия.

Железная дорога, которая проходила через хемерскую долину, прекратила перевозку пассажиров. Автомобильное движение увеличилось. Часто дорог не хватает. Продолжение строительства государственной автострады А46 крайне желательно. Эта сверх-региональная автострада должна иметь съезд возле промышленного района Эдельбург. Но это произойдёт лишь в будущем столетии.

С такими чаяниями и планами смотрит Хемер в будущее. Дальнейшее развитие зависит от общего состояния экономики, которое в настоящее время (1996 г.) проблематично. Дальновидность планов и строительство с бережным отношением к окружающей среде крайне необходимы.

Хемер - это промышленный город среди зелени, и таким он должен остаться.

2. Создание Главлага VI А

Немецкий рейх был разделён на 17 военных округов, которые обозначались римскими цифрами. В каждом военном округе назначался комендант с компетенцией в вопросах, касающихся военнопленных, которому подчинялись все военнопленные как в лагерях, так и в рабочих отрядах. Хемер с окрестностями принадлежал к военному округу VI города Мюнстера.

Майор, профессор, доктор Нэндруп был назначен руководителем лагеря после принятого в сентябре 1939 года решения земельной биржи труда города Дортмунд с согласия командования VIго военного округа о создании Главлага VI А в Хемере. Казармы на Юберге, которые предназначались для лагеря, были ещё не достроены, что принуждало принять временное решение. Были привезены и разбиты огромные шатры со съезда национал-социалистической партии в Нюрнберге.

Вся территория лагеря была окружена столбами с колючей проволокой. Руководство лагеря привлекло многих ремесленников для оборудования кухонь, рукомойников и отхожих мест под открытым небом. Вермахт соорудил пулемётные гнёзда и дорожные заграждения. В сентябре/октябре 1939 года Главлаг VI А начал функционировать и уже в сентябре принял первых польских военнопленных. В середине ноября 2000 пленных разместили в блоках для рядовых, общей площадью в 5424 м². Размещённые на улице Паркштрассе в Хемере немецкие земские стрелки приняли охрану лагеря. Для этого стрелков перевели в бараки на Остеншпаштрассе, построенные в 1937 году для рабочих, строивших казармы.

После прибытия дальнейших транспортов последовало переполнение лагеря пленными и, в связи с этим, оказалось недостаточным количество санитарных узлов, что способствовало распространению заразных заболеваний, в особенности дизентерийных поносов. Размножение вшей способствовало этому развитию.

Главлаг (Главный лагерь) заведовал всеми трудовыми лагерями (вернее рабочими отрядами) на местах. Он распределял рабочую силу, рассчитывался с предприятиями, вёл картотеки и следил за дисциплиной.

До прибытия первых советских военнопленных Главлаг VI А насчитывал в своём распоряжении, на 1 июня 1941 года, 27611 французов, 3534 серба, 1104 поляка и нескольких бельгийцев - всего 31500 пленных, из которых около 27000 человек находилось в рабочих отрядах.

Во время подготовки к нападению на СССР ("План Барбаросса"), с марта 1941 года, из уже существующих Главлагов всех военных округов переводили часть личного состава в новоформирующиеся фронтовые Главлаги во всех районах действия вермахта на восточном фронте. В принимающем военнопленных Главлаге на территории рейха были зарегистрированы в первый раз советские военнопленные. На каждого военнопленного заполнялись две карточки: одна - с личными данными, другая - для трудовой повинности. Военнопленные получали здесь порядковый номер, личный опознавательный знак с номером лагеря, вытисненного на нём. Этот личный опознавательный знак должен был носить на теле каждый военнопленный и каждый солдат; он сопровождал его в течение всего плена.

Заболевшие пленные посылались из трудовых лагерей в Главлаг и отсюда распределялись на лечение в лазареты по видам заболеваний. Почта всех принадлежащих к Главлагу военнопленных проверялась контрразведкой Главлага.

Достройка комплексов казармы продвигалась быстро; большими силами доканчивали постройки для лагеря, в которых частично уже были вставлены окна и двери. Поставили заграждение из колючей проволоки, вокруг лагеря построили из дерева шесть пулемётных вышек. На вышках у солдат имелись пулемёты, телефоны и прожекторы, чтобы наряду с патрулями возле ограды создать совершенную охрану. Несмотря на постоянное освещение вокруг лагеря, ночью вспыхивал неожиданно на вышках ослепительный свет прожекторов, чтобы сделать любой побег невозможным. Заграждение, которое тянулось вокруг всего лагеря, состояло из деревянных столбов высотой в 3 до 3,5 метра, обмотанных колючей проволокой и установленных в два ряда на расстоянии 2 метра друг от друга. Промежутки между рядами заполнялись дополнительно колючей проволокой. Внутри находилась ещё одно проволочное заграждение высотой в 1,5 метра.

Перед самым началом зимы начался переезд Главлага VI А из временного, палаточного лагеря на улице Остеншлагтрассе в кирпичные помещения. Переезд стал необходимым, так как штурм повредил часть палаток, и люди страдали от холода. Постепенно и комнаты снабжались обстановкой из деревянных нар в 2 или 3 этажа. Обстановка в блоках оставалась без изменений всю войну, так как лагерь был переполнен, а улучшить её было невозможно из-за недостатка материалов.

3. Описание лагеря

Пояснение к чертежу

1 до 8 блоки 1-8 (трёхэтажные кирпичные здания)

9 главный караул

10 центральная кухня

11 строгий арест

12 больничное отделение для интернированных итальянских военнопленных

13 и 14 больничный участок для французских, бельгийских и польских военнопленных

15 предлагерь

16 отдел для туберкулёзных больных

17 бараки лагеря "под Юбергом"

18 барак для англо-американских военнопленных

19 дезинсекция

20 противопожарный водоём

21 палаточный лагерь

22 сторожевые вышки

23 бараки для охранников

В 1939 и 1940 годах в Главлаге VI А, наряду с кирпичными блоками, употреблялось только небольшое количество деревянных барачных и палаточных лагерей. После военных действий во Франции, Бельгии и Голландии в лагере начались большие перемены. По прибытию советских и "югославянских" (сербов) военнопленных лагерь "лопался по швам", и следовало добавить многочисленные постройки. Построили добавочно 36 деревянных барачных, предлагерь и отделение для туберкулёзников.

Весь лагерь был разделён на маленькие, закрытые участки в зависимости от цели их использования, причём каждый участок был ограждён колючей проволокой, а ворота в участок охранялись караулом.

Благодаря очевидцам и снимкам с воздуха союзников, удалось реконструировать устройство Главлага VI А.

1. Блоки 1 и 2

Отдалены от общего лагеря. Служили администрации для различных целей. Первый этаж первого блока преимущественно использовался как почтовый и посылочный отделы с соответствующими контрольными службами.

2. Блок 2: комендатура

На верхнем этаже этого трёхэтажного здания находились кабинеты коменданта лагеря, других офицеров с разными функциями и также отдел распределения работы. В подвале этого здания находилась

установка центрального отопления для всего лагеря и котлы центральной кухни.

3. Блок 3

В лагере этот блок называли по праву "блоком ремесленников". Здесь находились склады с одеждой, швейная, сапожная и столярная мастерские. В них работали военнопленные.

4. Блок 4

Половина этого здания была предусмотрена под размещение советских рабочих отрядов и частично для работающих в самом лагере. В другой половине лагеря, ограждённой в коридорах сначала колючей проволокой, а позже кирпичной стеной, расположили итальянцев. Четвёртый блок был и снаружи разделён колючей проволокой на две зоны.

5. Блок 5

Когда строились казармы, это здание предназначалось под кухонный тракт и под администрацию, но позже оно получило прискорбное назначение. В подвалах этого здания находились мертвецкие, и отсюда вела последняя дорога на кладбище для около 23000 военнопленных, погибших в Главлаге VI А.

На других этажах и под чердаком находилось хирургическое отделение советских врачей. Под руководством русского штабного врача д-ра Нордио советские врачи делали даже операции. В своей деятельности врачи отличались самоотверженностью.

6. Блок 6

В этом здании, отдельно друг от друга, были размещены французы, поляки и бельгийцы. Руководство поместило там также и больных туберкулёзом.

7. Блок 7

Был центральным зданием для заболевших советских военнопленных. Из рабочих отрядов возвращали в Главлаг VI А заболевших и уже нетрудоспособных людей. После проверки в предлагере их размещали в отделения по видам болезни. В седьмом блоке был устроен этот центральный распределитель.

В подчинении немецких врачей находились советские врачи: д-р Василий Иванов, д-р Сергей Киселёв, д-р Дорохин и другие. В лагере трудилось более 15 советских врачей, многочисленные медпомощники. Д-р Александр Старушенко был тесным сотрудником и доверенным немецкого штабного врача д-ра Штейнигера.

В распоряжении врачебного персонала находился рентгеновский аппарат. На нижнем этаже седьмого блока кроме лечебных кабинетов располагалось отделение внутренних заболеваний.

8. Блок 8

В этом блоке находилось дополнительное отделение внутренних заболеваний седьмого блока. Восьмой блок "прославился" тем, что

здесь бывали случаи заболеваний сыпным тифом, и лагерь ставили на карантин. В подвалах находилась арестантская.

9. Главный караул

Поставленный здесь караул давал возможность войти в здание администрации, не проходя по территории лагеря. Только у третьего и четвертого блоков находились ворота для прохода к общежитиям военнопленных.

10. Центральная кухня лагеря

В большой центральной кухне стояло около 30 паровых котлов, которые снабжались водой из кочегарки центрального отопления. Эта кухня кормила большинство пленных жиденьким супом, преимущественно из картофеля и брюквы. У многих окошек выдавался этот суп в жестянки проходящим возле них военнопленным. У другого окошка они получали маленькую порцию хлеба и, иногда, немного растительного жира.

11. Строгий арест

В этом, наводящим ужас, строгом аресте находились 32 камеры-одиночки для осуждённых пленных.

12. Больничные отделения для итальянских интернированных

13 и 14 блока помещали лазарет для французов, бельгийцев и поляков. Три французских медика, польский и итальянский врачи работали в этом лазарете. В прилежащем к лазарету зубном отделении работал советский зубной врач с одним помощником. Русские, однако, к лечению зубов не допускались.

15. Предлагерная зона

До 1942 года все новоприбывшие в лагерь проходили ещё через главный караул. Это было отменено, когда состояние здоровья, особенно у людей во внешних лагерях, всё больше и больше ухудшалось. Особенно советские пленные находились в плохом состоянии. Среди них распространился туберкулёз и другие заразные заболевания. Руководство лагеря опасалось, что от новоприбывших больных заразятся и другие жители лагеря. Решение проблемы надеялись найти в устройстве предлагерной зоны в южной части лагеря.

Прибывших в предлагерную зону тяжелобольных или полностью истощённых советских военнопленных сажали в зоне на карантин, проводили медосмотр, кормили с отдельной кухни, регистрировали, проводили дезинфекцию и проверяли. По видам заболеваний врачи распределяли их по отделениям: "хирургия", "внутренние заболевания", "туберкулёз".

В предлагерной зоне было здание, в котором проводилась дезинфекция и, в которое прибывшие, а часто уже смертельно больные, волоклись из последних сил; там раздевались и должны были принимать душ. Такая процедура была выше сил этих ослабленных людей, и очень многим пленным пришлось умереть в этом здании.

16. Лагерь для туберкулёзных больных

В первый год войны заболевания туберкулёзом встречались только в отдельных случаях, но из-за длительности войны, плохого питания и заражения друг от друга сильно возросли у истощённых, больных и голодных людей. При строительстве лагеря только два деревянных барака предвиделось для таких больных. В 1943/1944 годах эту часть лагеря расширили на шесть деревянных бараков. Лагерь туберкулёзников, в который переводили только тяжело больных (были ещё отделения в 6, 7, 8 блоках), был по-настоящему лагерем смерти, куда не смело входить даже лагерное начальство. По рассказам Николая Ивановича Губарева, немецкий личный состав никогда не бывал в бараках для туберкулёзников. Единственным просветом у туберкулёзников была самоотверженная деятельность советского санитарного состава и двух ответственных советских врачей д-ра Колокольникова и д-ра Поляница, которые день ото дня старались помочь людям немногими, находящимися в их распоряжении средствами.

17. В четырнадцати бараках на склоне холма Юберг руководство разместило команды для трудовых повинностей.

18. Бараки для военнопленных стран-союзниц.

4. Западные пленные и поляки

Бельгийцы и французы

10 мая 1940 года началось нападение немцев на Бельгию и Голландию, 16 июня 1940 года вермахт совершил вторжение во Францию. В августе того же года по железной дороге рейха прибывали непосредственно с фронта в Главлаг VI А ежедневно по 3-4 эшалона с военнопленными в количестве 1500 до 2000.

Вместе с бельгийцами и поляками в середине сентября 1940 года количество пленных в Главлаге насчитывало 26000, из которых около 20500 человек подлежало трудовой повинности. Так как работавшие неподалёку зачастую размещались в Главлаге, в это время приблизительно 6000-7000 человек, и поэтому царила мучительная теснота. Чтобы создать более или менее терпимые условия проживания, разбили палатки в северной и южной частях лагеря.

В особенности чернокожие пленные страдали от переменного, мокрого климата Зауэрланда, так как у них имелась только лёгкая одежда.

Голод, холод и недостаточная гигиена способствовали заболеваниям и смерти чернокожих французов.

До 1945 года в Главлаге умерло 11 бельгийских и 169 французских военнопленных. Когда жители по соседству пожаловались на смрад и

загрязнение воды, построили очистное сооружение и Главлаг подключили к канализации. Санитарные помещения для западных плененных были примитивны, однако сносны.

С декабря 1940 года положение французов и бельгийцев улучшилось, так как они стали получать помощь с родины или пакеты от Красного Креста и уже больше не голодали.

Французы и бельгийцы часто работали как квалифицированные рабочие, к которым немецкие коллеги по работе относились с уважением и считали их почти равными, тем более, что они долгое время, иногда годами, работали на одном и том же предприятии.

Лучшее обращение с французскими пленными, как в лагере, так и на рабочих местах, соответствовало намерениям германского правительства на улучшение отношения с неоккупированной частью Франции под управлением Виши. Однако лучшее обращение с французскими, чем с пленными других национальностей, не препятствовало французам пытаться бежать из лагеря или уклоняться от трудовой повинности.

В лагере имелась обширная франкоязычная библиотека, мастерская, духовное попечение и медицинское обслуживание от немецких врачей - так что можно говорить о порядочном обращении. Также у французов был доверенный, отстаивающий их интересы перед администрацией, в чём было отказано русским военнопленным.

Поляки

При взятии в плен поляков считали людьми второго класса.

Между 20 и 24 сентября 1939 года прибыли первые пленные в поспешно оборудованный Главлаг, а до 11 ноября их численность возросла до 12000 человек.

Уже 4 и 11 октября 4500 человек были привлечены к сельскохозяйственным работам.

В течение первых недель состояние гигиены было ужасное, а питание - ниже предписанных пайков. Со временем положение военнопленных улучшилось: питание улучшилось; но протянулось до начала 1942 года, когда они стали получать посылки с родины, от Красного Креста или помощь от эмиграционного правительства в Лондоне.

Хотя в национал-социалистической пропаганде славяне и впрямь представлялись как "подчеловеки" и указы высшего командования вермахта предписывали для поляков более низкий уровень обращения, чем для "западных плененных", - с поляками обходились всё больше и больше как с "западными пленными".

В Главлаге VI А французов, бельгийцев и поляков не делили так строго, как указывалось в уставах; многочисленные жалобы и наставления коменданта лагеря и предостережения в ежедневной прессе доказывают, что строгое разделение польских военнопленных,

принудительных рабочих и немецких штатских на рабочих местах или в крестьянских семьях не осуществилось на практике. В Главлаге поляки имели почти те же права, которыми пользовались французы и бельгийцы. С лета 1940 года разрешалось им устраивать, в свободное время, музыкальные и театральные выступления, читать доклады, заниматься спортом и т.п. Обеспечивалось и духовное попечение. Умерших поляков хоронили с воинскими почестями на кладбище Вальдфридхоф. С 1939 по 1945 год в Главлаге умерло 49 польских военнопленных. О положении в трудовых отрядах невозможно говорить обобщенно ввиду многогранности работ. Подробная корреспонденция, которую вела Сибилла Хёшеле со многими бывшими польскими пленными Главлага VI А показывает, что ни радужную картину принятого в семью сельского работника (т.е. военнопленного со статусом штатского), ни картину умирающего от холода, голодного и грязного жителя лагеря - нельзя назвать общепринятыми. Существовали две крайности: первая - когда бывшие военнопленные работали на небольших сельскохозяйственных или ремесленных предприятиях и были устроены там хорошо; вторая - положение поляков в самом начале плена.

Крайности не были типичными, и между ними существовали всевозможные условия жизни. Без сомнения, первые месяцы пребывания поляков в Главлаге VI А были довольно трудными, но после прибытия французов они умудрились ловко устроиться на лагерных постах в Главлаге. Работали на кухне, при дезинсекции, были санитарями, кладовщиками, работали в комендатуре, казначействе и на почте, в похоронных командах и как переводчики для других национальностей.

Возможно из-за своей национальной гордости и по причине традиционно плохих немецко-польских отношений, в Главлаге VI А зародился мятеж, охват и цели которого теперь невозможно полностью реконструировать. Когда и в Главлаге была обнаружена ячейка польской Отечественной Армии, гестапо арестовало 8 военнопленных, которых умертвили в концлагере. В связи с этими арестами в Главлаге началось перемещение почти всех поляков в другие лагеря. В июне 1944 года в лагере находилось лишь 38 поляков, а на 1 июля - трое. Одним из последних переместили начальника похоронной команды по фамилии Химмель (что по-немецки означает небо).

Другие национальности

Лагерные условия и условия труда итальянских военнопленных были такими катастрофическими как и у советских военнопленных.

Про обращение с сербами не можем сказать много, но, во всяком случае, оно было хуже обращения с "западными пленными".

Британцы, американцы и представители других национальностей пребывали в лагере очень короткое время. Зачастую это были члены экипажа, прыгнувшие со сбитого самолёта. Этим западных пленным кормили лучше, чем советских пленным, итальянцев и поляков. Только в последние недели войны, когда снабжение продовольствием ухудшилось для всех, а затем и прекратилось совсем, и им пришлось голодать.

5. Предписания обращения с советскими военнопленными

Во всё время войны одновременно решающим и роковым было обстоятельство, по которому, с немецкой точки зрения, положения о защите "Устава о войне на суше", подписанного в Гааге в 1907 году, и Женевская конвенция от 27 июля 1929 года не относились к советским военнопленным, так как Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными. Царская Россия признавала Гаагский "Устав о войне на суше"; но расторжение Сталиным всех царских договорённостей, по немецкой интерпритации, создало ситуацию беззакония, которая оправдывала "особое обращение" с советскими военнопленными. Хотя Советский Союз, через своего дипломатического посредника Швецию, уже 17 июля 1941 года передал правительству рейха предложение на взаимное соблюдение предписания на основании "Устава о войне на суше", правительство рейха игнорировало его по расово-политическим причинам. Таким образом, советские люди не охранялись международно-правовыми предписаниями международных договоров в течение всей войны. На этом основании советские военнопленные не подлежали опеке и не находились под контролем Международного Красного Креста, не получали посылок с родины, а офицеры принуждались к работе. Хотя Женевская конвенция и разрешает привлекать к работам здоровых рядовых и унтер-офицеров, - не разрешает, однако, использовать их на работах, связанных с поддержкой действующих частей, например, при постройке валов, заграждений, бункеров и на работах на военных предприятиях. Советские пленные же были уже в 1942 году привлечены к перечисленным выше работам.

С самого начала войны все предписания, касающиеся обращения с советскими военнопленными, коренным образом отличались от предписаний, действующих для других национальностей. Уже перед немецким вторжением в Советский Союз, 22 июня 1941 года, издавались первые правила поведения во время войны и правила обращения с военнопленными. Пресловутый приказ о политических комиссарах от 6 июня 1941 года, подписанный генералфельдмаршалом Кэйтелем, не только предписывал расстреливать на месте всех политических комиссаров Советского Союза, но сам собой служит

доказательством, что в борьбе против Советской Армии вермахт ставил себя вне общепринятых и действующих международных прав.

"Директива об обращении с политическими комиссарами:

В борьбе против большевизма не полагается рассчитывать на поведение врага согласно с основными правилами человечности или согласно принципам международного права. В особенности от политических комиссаров всех мастей, как от непосредственных носителей сопротивления, следует ожидать ненавистного, жестокого и нечеловеческого обращения с нашими военнопленными.

Войска должны осознавать:

- 1) В этой борьбе пощада и уважение в соответствии с международным правом считаются ошибочными в отношении к этим элементам. Они являются опасностью для собственной безопасности и для скорого умиротворения завоёванных территорий.
- 2) Политические комиссары являются виновниками варварских, азиатских методов борьбы. Против них следует действовать сразу, безо всяких колебаний и с полной строгостью. Поэтому, если они будут схвачены в бою или при сопротивлении, следует их тотчас прикончить..."

На фронте и в тылу служба безопасности (СД) и другие части расстреливали комиссаров, а часто и офицеров, изолировали евреев. С остальными военнопленными обращались в первые месяцы войны так, что по дороге в лагеря или в самых лагерях с июля 1941 года по февраль 1942 года погибло 60%.

После того, как в больших окружительных схватках с июля по сентябрь 1941 года было взято в плен более миллиона человек, ставка вермахта сочла необходимым выдать инструкцию по обращению с советскими военнопленными. Приводим выдержками инструкцию от 8 сентября 1941 года и содержание прилагаемой памятки:

"Р а с п о р я ж е н и я по обращению с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных:

Обращение с советскими военнопленными в общем:

Большевизм - смертельный враг национал-социалистической Германии. Впервые перед немецким солдатом стоит не только обученный в воинском мастерстве, но и выпколенный в политическом смысле, растлевающего народы большевизма, противник. Борьба против национал-социализма - у него в крови. Ведёт он её всеми стоящими в его распоряжении средствами: саботажем, разлагающей пропагандой, поджёгами, убийствами. Поэтому советский солдат потерял право на

обращение с ним, как с честным солдатом и на охрану его Женевской договорённостью.

Если каждый немецкий солдат будет дистанцироваться к советскому военнопленному, то это будет соответствовать почёту и достоинству вермахта. Обращение должно быть сдержанным, но корректным. Даже малое снисхождение или даже попытка войти в доверие должны строго наказываться. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, которому приказано охранять советских военнопленных должно быть всегда заметным окружающим...“

„Памятка для охраны советских военнопленных:

...Для караулов действуют следующие директивы:

- 1) Беспощадно принимать решительные меры при самых незначительных попытках сопротивления или неповиновения. Для пресечения сопротивления следует беспощадно принимать оружие. По бегущим военнопленным полагается тотчас (и без предупреждения) стрелять прицельным огнём.
- 2) Сурово воспрещены всякие разговоры с военнопленными, даже во время марша к месту и с места работы, если они не являются приказами. Безусловно воспрещается курить на маршах к месту и с места работы, также и во время работы. Всякие разговоры военнопленных со штатскими следует прекратить, и в случае необходимости с применением оружия и к штатским.
- 3) И на месте работы требуется постоянный надзор немецким караулом. Каждый караульный должен всегда находиться на таком расстоянии от военнопленных, которое даёт ему в любое время возможность применить оружие. Никогда не отворачиваться спиной к военнопленным!
- 4) Мягкость недопустима даже к послушным и желающим работать военнопленным. Они считают её слабостью и делают свои выводы.
- 5) При всей суровости и твёрдости беспощадного применения решительных мер по исполнению данных приказов, немецким солдатам воспрещается всякого рода произвол и жестокое обращение, прежде всего употребление дубинок, кнутов и т.п. Это противоречит достоинству немецкого солдата как лица, носящего оружие.
- 6) Мнимая видимая безвредность большевистских военнопленных никогда не должна вызывать отклонение от вышеуказанных распоряжений.“

Новые положения от 24 марта 1942 года отличаются тем, что акцент переносится с уничтожения советских военнопленных на эксплуатацию рабочей силы. Военная промышленность становится всё более зависимой от этой силы:

"Обращение с советскими военнопленными:

Необходимость в усиливающемся использовании рабочей силы советских военнопленных на работах требует издать новые положения по обращению с ними. Отменяются относительные положения, и в будущем входит в силу следующее положение:

А. Обращение с советскими военнопленными в общем:

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Советский солдат принципиально должен считаться носителем большевизма. Поэтому политически необходимо и соответствует почёту и достоинству вермахта, если каждый немецкий солдат будет соблюдать дистанцию по отношению к советскому военнопленному.

При сдержанном и корректном обращении, изжитии насилия и обидных ругательств и при защите пленных от общественного любопытства, возможно повысить эффективность труда советских военнопленных. **Воспрещается мстить им..."**

(Далее следует положение о продовольствии, одежде, трудовой повинности и т.п. - всё распоряжения, которые редко применялись на практике). Была урегулирована также процедура погребения:

Для погребения умерших советских военнопленных действует следующее:

- 1). Погребения проводятся незаметно и в простой форме. Воспрещаются объявления по радио, в печати или в фильмах.
- 2). Немецкие военные не присутствуют. Присутствие же товарищей умершего, которые находятся в том же лагере, разрешается. Не разрешается присутствие штатских лиц.
- 3). Траурный салют запрещён.
- 4). Венки советских военнопленных, если будут вообще, должны быть только с белыми или чёрными лентами; с немецкой стороны венки не возлагаются.
- 5). Священники или духовные лица, если они находятся в лагере, могут принимать участие; для мусульман можно привлечь религиозных служителей, если это возможно сделать без особых усилий.
- 6). Гробы не предписываются, но каждого мертвеца (без одежды, если её можно использовать дальше) следует завернуть в крепкую бумагу или в другой подходящий материал. В общих могилах тела укладываются одно возле другого на глубину, соответствующую глубине местных могил, и всегда получают опознавательный знак, чтобы, впоследствии, по картотеке со всеми личными данными можно было уточнить местонахождение мертвеца.
- 7). Место погребения на кладбищах должно находиться в стороне или на надлежащем расстоянии от других могил; ряды других похороненных на лагерных кладбищах не должны нарушаться."

6. Национальный состав лагеря в течение времени

Из немецких лагерей для военнопленных ежемесячно посылались в организацию Международного Красного Креста в Женеву списки о составе. Списки с октября 1940 по январь 1945 годов сохранились с небольшими пропусками. Велись ли списки о составе до сентября 1940 года - не известно. После января 1945 года уже невероятно, что списки посылались в Красный Крест.

Поляки

После нападения Германии на Польшу, 1 сентября 1939 года, скорые победы способствовали тому, что 300000 поляков стали военнопленными в Германии. В результате переговоров между командованием шестого военного округа в городе Мюнстер и земельной биржей труда в городе Дортмунд ещё не достроенные казармы в Хемере преобразуются в лагерь для рядовых. Уже в конце сентября в них предвидится разместить 10000 пленных. На следующий год из находившихся ещё в лагере поляков была освобождена или переписана в штатских почти половина. Так как по стратегии Главного командования вермахта поляки и русские, по возможности, не должны были находиться в одном и том же лагере, то большое количество поляков перевели в другие лагеря; лагерь в Хемере стал почти "русским". После того, как тайная государственная полиция (гестапо) Дортмунда раскрыла подпольную польскую организацию сопротивления, прокатилась волна арестов, и оставшиеся польские пленные были переведены в рабочие отряды Главлага V Г.

Французы

В мае 1940 года началась немецкая кампания во Франции. Спустя год свыше миллиона французов попадает в немецкий плен, и, таким образом, французы составляли до декабря 1942 года самую большую национальную группу. Однако, эта численность сильно уменьшилась после заключения договорённости между правительством Виши и Германией, по которой предусматривался обмен одного военнопленного на трёх штатских работников. Одна часть французов была переведена в другие места, так как Главлаг VI А предназначался для работы в горной промышленности. Оставшуюся группу, количеством в 4000 до 5000 человек, составляли квалифицированные рабочие, которые работали постоянно на одних и тех же предприятиях.

Бельгийцы

Бельгийцы были, обыкновенно, квалифицированными рабочими, которые сменили французов.

Советские люди

22 июня 1941 года, без объявления войны, Гитлер нападает на Советский Союз. В общей сложности вермахт взял в плен около 5,7 миллионов советских военнопленных, из числа которых 3,3 миллиона человек погибло. Политкомиссары, многие офицеры и евреи после взятия в плен отделялись или были расстреляны на месте, раненые и ослабшие умирали сотнями тысяч, не выдержав перехода или перевозки. Из около 3,35 миллионов взятых в плен на фронте по февраль 1942 года советских военнопленных умерло:

до сентября 1941 года - 1,4 миллиона человек,

а до февраля 1942 года уже - 2 миллиона расстрелянными, замёрзшими, умершими от голода или от ран, от болезней и эпидемий. Высокая смертность вполне соответствовала вначале намерениям политического руководства, которое видело войну как кампанию по уничтожению.

С самого начала похода на Россию задумывалось открытие "чисто русских" лагерей для советских военнопленных. С июня 1941 года уже существовало 5 таких лагерей на 14000 пленных. 10 августа 1941 года в "чисто русских" лагерях находилось 148166 рядовых и 4753 офицера, из которых в трёх лагерях шестого военного округа (Мюнстер) находилось 23630 советских военнопленных.

Первые советские военнопленные прибыли в Главлаг VI А может быть в сентябре, а уж точно в октябре 1941 года. С декабря 1941 по июнь 1942 годов там находилось почти без изменения около 2500 человек, в середине года их численность возрасла в 4 раза, а к концу года превысила 47000 человек. Такого рода "развитие" было следствием напора "Угольного объединения рейха", которое добилось того, что с 4 ноября 1942 года Главлаг VI А считался "Спецлагерем рядовых для горной промышленности" и предназначался "исключительно отобран-ным в лагере Зенне для добычи угля советским военнопленным".

Таким образом Главлаг VI А становится "чисто русским лагерем". С сентября 1943 года численность советских военнопленных увеличивается и к осени 1944 года достигает почти 100000 человек. Такое развитие объясняется стараниями "Угольного объединения рейха", которое посылает на добычу угля в первую очередь советских военнопленных. Хемерский лагерь становится окончательно главным лагерем для почти всех советских людей, принуждённых к работе на востоке Рурской области.

Британцы

Для британских военнопленных этот лагерь не предназначался. Находящиеся в списках британцы проводили в нём очень короткое время.

Юго-восточные пленные

Под этим понятием имеются ввиду в основном сербы, которые с июня 1941 года по сентябрь 1942 года своей численностью в 2500 до 3000 человек составляли десятую часть общего количества. В последнем квартале 1942 года их переместили.

Итальянцы

Итальянские пленные из войск правительства Бадoglio, численностью в 12000 до 15000 человек, содержались в Главлаге VI А с сентября 1943 года как „военноинтернированные“. После проведения кампании с целью перерегистрации на штатских летом 1944 года их численность резко снизилась.

Различные национальности

К первому декабря 1944 года появилось 12, 1 января 1945 года было 212 румын, а после занятия лагеря американцами насчитали 30 румын. Румыния, воевавшая вначале войны на стороне гитлеровской Германии, перешла на другую сторону и 25 августа 1944 года объявила войну рейху. Таким образом, военнопленные происходили из просоветских Румынских Вооруженных Сил.

Общая численность военнопленных в Главлаге VI А

В Главлаге VI А „было обработано“ до середины 1942 года 30000, до лета 1943 года - 55000, а с сентября 1944 - более 100000 военнопленных.

В 1941 году в Главлаге Хемера находилось для регистрации, медосмотра, дезинфекции или по причине болезни от 2000 до 3000 человек, что соответствовало ещё количеству построек в лагере. В 1943 году в Хемерском лагере находилось временно до 10000 пленных. Весной 1944 года и это число было превышено. В последние недели перед капитуляцией численность возросла до 23000 человек, причём положение было теперь катастрофическим. Процентный состав работающих военнопленных колебался с 1941 по 1944 год между 78,2% до 96,3% и был приблизительно 90% в 1943 и 1944 годах, когда лагерь стал „чисто русским“. Уровень заболеваний был, однако, всё-таки выше 10%, так как многих пленных преждевременно отправляли на работу, а многие больные вообще не посылались назад в „лагерь смерти“ Хемер.

С сентября 1939 года по апрель 1945 в лагере побывало до момента освобождения, для перерегистрации на штатских, перемещения, смерти или освобождения американцами свыше 200000 военнопленных, из них 160000 советских, - трудновообразимая цифра.

Состав военнопленных по национальностям в Главлаге VI А Хемера (10.09.1940 - 01.01.1945)

Дата	Французы	Британцы	Бельгийцы	Поляки	Ю.-восточн. пленные без англ.ч.	Советские люди	Итальянцы	Различные национальн.	Всего	Офиц.	Рабочая повинность всего	Раб. повин. офицеров (совет. и др.)
10.09.40	23426 шт.: 26	495	143 шт.: 2	оф.: 6 2121 шт.: 1					26185	оф.: +6 шт.: +29	франц.:18890 поляки:1584	
25.10.40	26472 шт.: 30	19	112 шт.: 2	1477					28080	шт.: +32	франц.:22226 поляки:1002	
10.01.41	оф.: 3 26525 шт.: 8	17	18	1023					27583	оф.: +3 шт.: +8	франц.:23700 поляки: 677	
31.01.41	оф.: 6 27915 шт.: 2	2	150	1022					29089	оф.: +6 шт.: +2	франц.:23441 поляки: 648	
28.02.41	оф.: 6 27409 шт.: 1	10	(?) 27	988					28557	оф.: +6 шт.: +1	франц.:25515 поляки: 848	
31.03.41	оф.: 8 27206 шт.: 1	17	50	873					28146	оф.: +8 шт.: +1	франц.:25274 бельг.: 50 поляки: 668	
01.05.41	оф.: 10 28754 шт.: 59	5	348 шт.: 1	958 шт.: 1					30065	оф.: +10 шт.: +61	франц.:25015 бельг.: 55 поляки: 693	
01.06.41	оф.: 9 27612 шт.: 15	4	224 шт.: 1	1104 шт.: 1	Сербь: оф.: 1 3534 шт.: 77				31477	оф.: +10 шт.: +94	франц.:23461 бельг.: 56 поляки: 896 серб:2407	
01.07.41	26872	4	215	1095	3005				31191	нет данных	нет данных	
01.08.41	25911		215	1085	2954				30165	нет данных	27813	
01.09.41	25659	375	215	973	2903				30125		28016	
01.10.41	25619		52	929	2833	1338			30771	нет данных	28993	
01.12.41	24616		42	903	2794	2538			30893		? 27986	
01.01.42	24518		42	888	2754	2343			30545		28017	
01.02.42	24164		42	884	2733	2251			30074		27298	
01.04.42	23750			872	2709	2424			29755		28128	
01.05.42	22823			864	2639	2574			28900		27731	

01.06.42	22580			890	2635	2557			28662		27605	
01.08.42	22440			887	2601	8091			34019		32514	
01.09.42	22364			885	2534	11929			37712		34380	
01.10.42	18674			772	1737	10266			31499		29012	
01.11.42	18492	2		745	1694	11255			32188		28913	
01.12.42	17984	2		722	1615	17771			38094		33853	
01.01.43	5156	1	1348	177	237	47428			54347		47315	
01.02.43	4628	1	1356	168	392	50560			57105		51919	
01.03.43	4817		1407	116	73	47848			54261		49844	
01.04.43	4782		1420	148	7	49456			55813		51075	
01.05.43	4997		1430	131	3	49238			55799		51239	
01.06.43	4976	1	1410	128	3	48215			54733		49133	
01.08.43	4770		1393	123	3	49767			56056		50571	
01.09.43	4719		1384	121	3	64250			70477		60047	
01.10.43	4578		1372	121	3	80144			86218		80132	
01.12.43	4332		1346	121	3	85218	12369		103389	(136)	96811	(95+15)
01.01.44	4106		1326	121	3	86355	11577		103488	(166)	97590	(123+24)
01.02.44	4019		1320	122	3	87452	12204		105120	(171)	94944	(139+25)
01.04.44	4325		1281	122	3	85289	12358		103378	(117)	93645	(77+25)
01.05.44	4299		1265	121	2	85815	12473		103975	(131)	91948	(96+32)
01.06.44	4278		1240	38	2	85739	14041		105338	(159)	93910	(99+47)
01.07.44	4233		! 1243	! 3	!	! 86546	! 14786	!	! 106811	! (146)	! 95221	! (100+46)
01.09.44	! 4199	!	! 1244	! 2	!	! 83772	! 5434	!	! 94651	! (170)	! 83860	! (112+58)
01.10.44	! 4524	!	! 1226	! 431	! 72	! 99340	! 1032	!	! 106625	! (124)	! 95593	! (108+14)
01.11.44	! 4140	!	! 1169	! 2	! 3	! 99440	! 822	!	! 105576	! (147)	! 94139	! (118+15)
01.12.44	! 4089	!	! 1205	! 1	! 1	! 97047	! 510	! румын: 21	! 102874	! (126)	! 91150	! (109+15)
01.01.45	! 4159	!	! 1191	! 1	!	! 95430	! 473	! румын: 212	! 101466	! (152)	! нет данных	! нет данных

7. Жизнь в Главлаге VI А по рассказу бывшего советского военнопленного

Об обстоятельствах жизни пленных в Главлаге VI А с июля 1942 по апрель 1945 годов мы узнали много из воспоминаний д-ра Николая Ивановича Губарева, в то время двадцатилетнего советского военнопленного, которого в 1942 году перевели из лагеря в городе Хаттинген. Благодаря своей функции помощника хауптмана Веллера, который руководил противовоздушной обороной лагеря, он получил возможность ознакомиться почти со всеми отделениями Главлага. Его воспоминания приводятся почти без сокращений и без комментариев.

"Главлаг в Хемере был советским военнопленным известен и его опасались. В этот огромный лагерь попал и я. У высокого внешнего ограждения стояли вышки с пулемётами. Проволочная сетка разделяла лагерь на секторы...

Хлеб был для всех военнопленных равнозначен жизни. Все разговоры сводились к еде. Поэтому я начинаю мои воспоминания с этого понятия. Приведу слова моего сотоварища Асланова: "К завтраку получали кувшин мутной жидкости, которую называли кофе, на обед - черпак отвара брюквы с нечищенной картошкой, куда иногда добавляли немного маргарина. Дневной паёк хлеба весил 250 грамм, т.е. это был паёк, медленно ведущий к смерти. Иногда выдавали кусочек колбасы или искусственный мёд."

Описанное Аслановым питание точно соответствует питанию в хемерском лагере. В отдельных случаях этот голодный паёк повышался для тех пленных, которые чистили улицы городов после бомбёжки и питались в полевых кухнях, снабжающих жителей города. В отличие от других пленных советских военнопленных кормили хуже всех, так как они не получали пакетов с продовольствием и другими предметами потребления от Международного Красного Креста в Женеве и из западноевропейских государств. Как известно, правительство моей страны не было членом организации Международного Красного Креста. Это обстоятельство очень сильно повлияло на судьбу пленных.

"В качестве одежды выдавали нам обмундирование различных армий. На одежду наносили фосфорной краской маркировочные знаки, чтобы нас можно было видеть даже ночью. Вместо обуви выдавали деревянные башмаки, в которых ноги натирались до ран. Тяжёлая работа и плохое питание вызывали сильные физические и моральные страдания военнопленных. Страшнее всего была мысль, что своим трудом мы помогали врагу, - в то время как на востоке шла смертельная борьба за свободу, достоинство и независимость нашей Родины." - Я цитировал опять Асланова, потому что его описание

относится также к лагерю в Хемере, доказывая этим, что подобное обращение с нами не было случайным.

Починкой и чисткой одежды в лагере занимались лагерные ремесленники. Дезинсекция одежды проводилась регулярно, и в лагере не разводились вши.

Часть пленных размещалась в кирпичных блоках с центральным отоплением. В лагере находилось также более 10 деревянных бараков. Бараки составляли так называемый "предлагерь", в котором принимали новых пленных. В деревянных бараках находилось также отделение для заболевших туберкулёзом. Бараки обогревались печками, и здесь было холоднее, чем в кирпичных зданиях. Полы во всех зданиях были из бетона. Лишь в комендатуре и в здании для администрации уже имелись деревянные полы. В кирпичных блоках были туалеты и умывальные. Спать приходилось на трёхъярусных нарах. Новоприбывшие пленные спали на чердаке на непокрытом бетонном полу. В отличие от других пленных, советским пленным не выдавали одеял. Если во время работы промокала одежда, они ложились спать в промокшей одежде. Следствием этого были простудные заболевания и даже воспаление лёгких. Лишь те советские пленные, которые входили в лагерный персонал, получали по одному одеялу.

Я ограничусь рассказом о советских военнопленных, так как их снабжение значительно отличалось от снабжения всех других пленных в лагере. Как уже упоминалось, другие пленные иногда получали посылки, в которых порой находились лекарства. Таких посылок мы не получали. Поэтому мы не имели почти никаких лекарств. В пятом и седьмом блоках находились больничные отделения для нас. Когда они переполнялись больными, использовали и восьмой блок. Заболевших воспалением лёгких или туберкулёзом лечили в упомянутых деревянных бараках. Смертность в этих бараках была особенно высокой. Все эти больничные отделения предназначались исключительно для советских пленных. За больными ухаживали советские врачи и санитары. Припоминаю, что около 10 врачей работало в лагере. Некоторых врачей я помню по фамилии: д-р Колокольников - в туберкулёзном отделении, хирург д-р Нордио - в хирургическом отделении в пятом блоке. Он был старшим хирургом и иногда работал вместе с двумя коллегами. Четыре врача работали в седьмом блоке, среди них - д-р Старушенко. Немецкие врачи и санитары помогали им в работе. Немецкий медперсонал никогда не заходил в бараки с туберкулёзными больными из-за опасности заражения. Вход в отделение для туберкулёзников всегда запирался на замок, а ключ находился у советского санитарного состава. Им проводилась и предписанная поверка. Для улучшения продовольственных пайков медперсонал оставлял умерших некоторое

время лежать в отделении вместе с живыми. Таким образом пайки хлеба, полученные на мертвецов, делились между другими пациентами. В обязанности санитарного состава входил также вывоз трупов из лагеря. Мертвецов вывозили на деревянной телеге, которую тащила лошадь. На эту телегу ложили трупы из больничного барака...

Подъём был в 6 часов утра, затем проводилась поверка. Поверки проводились иногда в помещениях, а иногда во дворе. Если количество не совпадало, приходилось стоять часами и ждать, пока не совпадёт. Счётные поверки проводились ежедневно два раза: утром и вечером. После так называемого "завтрака" тех, кто работал за пределами лагеря, колоннами угоняли на работу. Лагерный состав пленных оставался на месте и работал в лагере. В 13 часов был перерыв на час. В это время выдавали тарелку горячего супа из брюквы и картофеля. Ежедневно в обеденный перерыв передавали граммофонную музыку. Это были всегда одни и те же пластинки с мелодиями из оперетты Легара "Весёлая вдова". Их проигрывали нам беспрестанно потому, что они были, якобы, из любимой Гитлером оперетты! Базовый состав лагеря работал до 18 часов, потом проводилась счётная поверка, а после неё - выдача сухих пайков. До отбоя было свободное время, которое полагалось проводить в закрытых помещениях. Пока не раздавалась команда: "Потушить свет!", - в коридорах и лесничных клетках шёл обмен. Припоминаю, что я обменял на маленький немецко-русский словарь две сигареты, которые подарил мне немецкий ремесленник. В 22 часа выключался свет. Темноту в лагере прорезали лишь освещающие ограду из колючей проволоки лучи прожекторов на караульных вышках.

Чем сложнее становилось положение гитлеровских войск на фронтах, тем чаще были попытки склонить советских пленных к измене Родине путём помощи гитлеровскому вермахту. Первая такая попытка произошла в январе 1943 года. Всех советских военнопленных, о которых было известно, что они служили в артиллерии, убрали с рабочих мест. Около 800 пленных собрали в 8 блоке. Явился немецкий офицер с переводчиком. Он обещал нам: немецкое обмундирование, питание как у солдат немецкого вермахта, а также права как у них; если мы обяжемся в письменном виде добровольно помогать немецкой зенитной артиллерии. Чтобы исключить все мыслимые неясности этого, якобы привлекательного предложения, он велел переводчику повторить всё снова. Несмотря на невыносимые условия жизни, из 800 советских артиллеристов нашлось лишь 6-7 бесчестных, изменивших Родине. Очевидно раздосадованный офицер объявил на это: "Вы видимо совсем не поняли, какое хорошее предложение вам сделано. Кто настолько глуп, что отказался от него,

может теперь раздумывать о своей глупости на работе в шахте, под землёй."

Итак, моих сотоварищей и меня направили на шахту в Вальзум.

Дальнейшую попытку предпринял весной 1944 года унтер-офицер так называемой власовской армии. Этот отряд под командованием бывшего советского генерал-лейтенанта Власова набирался из перебежчиков и пленных для борьбы на стороне немецкого вермахта. Под предлогом, что они желают осведомиться о жизни в лагере, такие вербовщики подмешивались к нам и в разговорах наедине старались склонить нас на борьбу против большевизма, что для нас означало: на борьбу против Отечества. И этот субъект имел не больший успех, чем его немецкий предшественник.

Всё выше и выше была плата кровью гитлеровского вермахта. Вот и вновь повторилась попытка найти между нами изменников. На этот раз выбрали 300 советских военнопленных, которые принадлежали к лагерному персоналу. Надеялись на больший успех, так как эта группа пленных имела контакты с немецкими солдатами. Не называя причины, нам приказали собраться на чердаке третьего блока, где находилось большое помещение. На этот раз явился немецкий фельдфебель, превосходно говоривший по-русски; он выдумал новый метод склонения нас к измене. Он говорил о предстоящей неизбежной окончательной победе гитлеровской Германии после применения так называемого чудо-оружия. Ведь лучше быть на стороне победителей, чем побеждённых. И это сделать нам совсем несложно. Следует лишь подойти к столу и подписать добровольное обязательство помощи вермахту. Но и этому требованию последовало лишь несколько человек. Когда эти субъекты подписывались, остальные, как по команде, бросились бежать к выходу, у которого стоял один из самых жестоких унтер-офицеров с двумя помощниками, преграждая нам выход. Своим ремнём он так сёк нас по лицам, что кровь брызгала. Втроём эти немцы не могли долго устоять против 300 пленных. Мы бросили их на пол и по ним вырвались из помещения. Мы уже знали, что окончательная победа над гитлеровской Германией была недалеко. Это придавало нам больше сил...

Коменданта лагеря, подполковник^а фон Вусова, в лагере видели редко. Он появлялся лишь тогда, когда выпепоставленные лица осматривали лагерь или когда комиссия Красного Креста предупреждала о своём визите. Немецкие врачи появлялись в лагере чаще. С самого начала налачился хороший контакт с унтер-офицером Антоном Драве из 4-го блока и ещё с одним унтер-офицером, который был электриком. В общем, можно сказать, что отношения между нами и нашими охранниками зависели от хода войны. Чем ближе был конец войны и поражение гитлеровской Германии, тем лучшие устанавливались контакты. Некоторые члены личного состава лагеря

были очень жестоки. Они били пленных кнутами и дубинками. Я имею ввиду всех трёх фельдфебелей лагеря. Они были ответственными за 4 блок, кухню и так называемый "предлагерь". В этот "предлагерь" принимали новоприбывших, здесь проводилась дезинсекция, а после медосмотра пленных распределяли по рабочим местам. Было ли это случайным, что все три фельдфебеля носили усы, подобно своему фюреру? Некоторые пленные старались улучшить своё положение, используя свой талант. В лагере были, к примеру, двое пленных, которые являлись превосходными портретистами. Они по фотографиям рисовали цветными карандашами портреты членов личного состава лагеря. Портреты жен и подруг были особенно популярны.

Тесный контакт завязался у меня с унтер-офицером Будэ, заместителем офицера местной противовоздушной обороны хауптмана Эдмунда Веллера. Будэ был уже немолодым и из-за болезни ног годился лишь на службу в тылу. В начале 1944 года его всё-таки отправили на фронт бороться с партизанами, где он потерял ногу. Возвратившись на родину, он решил посетить меня, "русского", в лагере.

Хауптман Веллер имел в лагере кличку - "профессор". Он был офицером местной противовоздушной обороны. В июне 1943 года я получил от него приказ очистить бассейн с водой для тушения и наполнить мешки с песком. По-видимому он остался доволен моей работой, т.к. он вызвал меня вновь. С тех пор меня назначили к нему в услужение, и скоро мои товарищи называли меня "тенью хауптмана Веллера". После того как я проработал у Веллера около полугода, мне выдали пропуск, по которому я имел право свободно передвигаться по лагерю и входить в блоки, отгороженные колючей проволокой. В первую мировую войну хауптман Веллер был уже офицером и имел награждения. По профессии он - учитель, родом из города Эссен. Биология и ботаника были его главными предметами. Он был образованным и говорил свободно по-английски и по-французски. В лагере уже заметили, что вопреки обычаю, он входил в лагерь без оружия. Кобуру пистолета он набивал бумагой. На мой вопрос, почему он это делает, ответил: "Вас, пленных, я не боюсь. Опасаюсь, однако, что пистолет могут у меня украсть. Это было бы очень досадно." Когда я сопровождал его по служебным делам за пределы лагеря, он был всегда при оружии, но однажды сказал: "Николай, если ты решишь бежать, я в тебя стрелять не стану. Но прошу тебя не делать этого. Далеко ты не уйдёшь. Тебя схватят и посадят в концентрационный лагерь. Меня же накажут за то, что допустил побег."

Со временем наши отношения стали ещё лучше. Он стал мне доверять и сообщал о положении на фронтах. Такого рода информация была для нас очень важной, так как мы были совершенно отрезаны от внешнего мира. Нам воспрещалось читать газеты, даже немецкие.

Запрещалось иметь русские книги. Хауптман Веллер, как ответственный за противовоздушную оборону, должен был всегда находиться на месте, поэтому он спал в здании комендатуры и, кажется, не боялся. На стене его комнаты висела завешенная занавесками карта, на которой он отмечал положение на фронтах. Иногда он показывал мне эту карту.

Когда войска союзников высадилась во Франции, он тотчас сообщил мне об этом. В разговоре со мной он выразил сожаление, что 20 июля не удалось покушение на жизнь Гитлера. Введение в вермахте гитлеровской отдачи чести он считал началом конца войны. Он всё чаще стал показывать мне на карте прифронтовую полосу. В это время советские войска находились уже в Польше, а западные союзники - в Голландии и Бельгии. Битву в Арденах он считал последней, напрасной попыткой гитлеровской Германии перейти опять в наступление. "Нацисты, - в разговорах со мной он всегда употреблял это выражение, - думают только о том, чтобы уцелеть самим, принеся немецкий народ в жертву."

Когда война стала приближаться к концу, он стал давать мне советы, как лучше спасти свою жизнь в такое опасное время. Он не советовал пытаться бежать и говорил, что лучше остаться в окрестностях лагеря, где я знал много укрытий. Под конец войны, когда в лагерь пригоняли всё больше пленных, он объяснил мне, что переполнение лагеря делается для уничтожения пленных."

8. Военнопленные и личный состав лагеря. Военнопленные и население. Почта военнопленных

Личный состав лагеря и его отношение к пленным

Многочисленный личный состав Главлага VI А подразделялся на администрацию лагеря, состоящую из штабной роты и штатских служащих (556 человек), управление строительством и батальон земских стрелков (150 человек) для охраны. Кроме того было несколько служебно-обязанных штатских, как вспомогательный личный состав. Комендантами лагеря были, обычно, офицеры преклонных лет:

майор в отставке, д-р Губерт Нэдруп (по 5 декабря 1940);

майор в отставке Герман Леонард (с 6 декабря 1940);

полковник Виктор фон Чирнхаус (с 28 июля 1941 по 2 июня 1942);

подполковник в отставке Теодор фон Вусов (с 21 июня 1942 по 14 апреля 1945).

К первому января 1943 года на общую численность лагеря в 55000 человек на медицинский состав приходилось 28 военных: медофицеров, унтер-офицеров, ефрейторов и рядовых солдат. Так как хемерский Главлаг с 1943 года являлся лагерем для заболевших и умирающих, малочисленный медперсонал не был в состоянии обеспечить квалифицированной помощью.

Обращение охранников с военнопленными полностью зависело от национальности пленного и от военного и экономического положения Германии. Оно зависело также от характера и должности конкретного солдата или служащего. Пусть отдельные известные "случаи" послужат дифференцированному рассмотрению. Питание, жильё и одежда в лагере были плохими и недостаточными. И всё-таки имелись солдаты и служащие, которые обогащались тем немногим, что предназначалось пленным. Госпожа Хольцварт, которая работала в администрации лагеря, и муж которой был казначеем, сообщает: "Особенно часто случалось, что солдаты и штатские обогащались хлебом и другими продовольственными продуктами. Продовольствие ещё не достигло лагеря, а уже не хватало значительной части поставки. При перегрузках с железно-дорожных вагонов на грузовики часто представлялась возможность урвать чего-нибудь для себя. Такое раскраденное или испорченное в вагонах продовольствие дополнительно сокращало и так уже недостаточные пайки."

Из большой кухни лагеря регулярно и с одобрения воинского состава кухни продавались на чёрном рынке мясо, жир и хлеб. На станцию в Хемер приходили вагоны заплесневелого хлеба. Повторные поставки были исключены, и пленным выдавали заплесневелый хлеб. Чтобы ускорить доставку, пекари посылали влажно-тёплый хлеб. Военные перевозки и бомбёжки замедляли транспортировку, и хлеб доставлялся

с опозданием уже в заплесневелом виде. Картофель и брюква, привозимые осенью в большом количестве для хранения, также часто портились по причине плохой организации, поломок транспорта и недостатка укрывающих средств.

Служебно-обязанный, ремесленник Карл Нэнзель вспоминает: "На главной кухне имелось много окошек, откуда отдельные отряды военнопленных... должны были получать еду. За окошками стояли полные бидоны с супом, приготовленные к раздаче. Случалось, что несмотря на 30 человек лагерной полиции из советских военнопленных, голодные люди бросались к открытым окошкам и черпали котелками добавочную порцию из полных бидонов. Быстро убежав, спасались от лагерных полицейских или от немецкого персонала кухни. Однажды я стал очевидцем, как один пленный попытался таким образом получить дополнительную порцию. Он пытался убежать, но солдат из личного состава кухни догнал его. Он ударил пленного по голове дубинкой, которую называли "волобойкой" и хранили на кухне для подобных случаев. Русский упал на землю, он уже больше не двигался; лишь кровь вытекала изо рта, носа и ушей..."

К плохому питанию добавлялись ещё издевательства, совершаемые некоторыми охранниками во время проверок, при обысках и во время выдачи еды. Личный состав не гнушался мучений и отдельных убийств военнопленных. Николай Иванович Губарев рассказывает: "Я находился по делам в шестом блоке, когда внезапно раздался выстрел. Советский военнопленный, который возился у мусорных ящиков французских пленных, повалился замертво. Часовой у ворот предлагеря хладнокровно застрелил этого человека. Двое советских пленных, поспешившие на помощь, оттащили тело убитого.

Карл Нэнзель рассказал ещё об одном страшном происшествии: "Испугавшись страшных криков в подвале восьмого блока, я побежал туда узнать о причине. В одном из помещений подвала я неожиданно увидел деревянное сооружение, на котором лежало раздетое, истощённое существо - советский военнопленный. Двое пленных должны были придерживать его, а два других хлестали бедного человека, который после 20 отсчитанных немецким унтер-офицером ударов повалился без сил. Заметив моё присутствие, этот солдат рывкнул на меня и приказал покинуть помещение. Когда я упрекнул его за то, что он сделал, он раскричался ещё пуще и пригрозил, что мне придётся отвечать за моё поведение. "Эти свиньи получают своё справедливое наказание за кражу хлеба и других вещей в лагере", - таковы были слова этого мучителя."

Но были в лагере и такие люди, которые старались передать пленному то кусок хлеба, то сигарету. Но это делалось тайно, так как сурово наказывалось. В то время как некоторые охранники и служащие в комендатуре обходились с пленными беспощадно, были и другие, которые старались обходиться с пленными по-порядочному и пытались

склонить своих начальников к более гуманному обращению с военнопленными. Сочувствие к страданиям, в особенности советских и итальянских военнопленных, проявляли не только офицеры штаба, но и штатские служащие.

Маргрет Хольцварт поведала: „Я работала в комендатуре лагеря. Группа советских пленнх ежедневно трудилась у нас под окнами на разгрузке кокса, поставляемого для кочегарки. Сваленный кокс доходил до самых наших окон. Мы сочувствовали голодным советским разгрузчикам кокса, и мы, женщины, ложили часть своих бутербродов на подоконнике, завернув их в скомканную газету, так как всё это не должно было выглядеть преднамеренным. Уже скоро пленные заметили это, и бутерброды мгновенно исчезали. Мы стали приносить из дома остатки хлеба, и они уходили тем же путём. Однажды мы увидели на подоконнике небольшой пакетик, положенный туда снаружи. Развернув газетную бумагу, мы увидели, что пленные в знак благодарности завернули в неё немного махорки. Они хотели не только брать, но и быть благодарными.“

В своей невинносимой жизненной ситуации советские военнопленные зависели от каждой дополнительной поставки продовольствия и лекарств. Используя свою сноровку, некоторые из них старались облегчить свою судьбу, изготавливая разные предметы быта, декоративные украшения и игрушки. Эти, в большинстве своём из дерева, самими примитивными инструментами искусно изготовленные предметы они старались поменять на продовольствие у членов личного состава или на рабочих местах. Иногда пленные дарили такие изделия людям за подsunутые тайком продукты или другие пожертвования. Спустя более пяти десятилетий лишь немногие изделия уцелели; они представляют для владельца особую ценность, как, например, изображенные на снимке шкатулка для бритвы и павлин.

Одарённые художественным талантом советские пленные изготавливали по заказам членов комендатуры или охраны рисунки карандашом, иногда акварели, реже картины писанные маслом. Образцами служили часто снимки жён, подруг или детей заказчиков. Личные мотивы художников представляли цветы, пейзажи родной стороны, сцены из русских былин и сказок, отражающие тоску пленнх. Иногда такие картины пленные дарили в знак благодарности за более хорошее обращение, но в большинстве случаев они менялись на продовольствие у членов личного состава или на рабочих местах.

Отношение населения к военнопленным

Для большинства жителей Хемера военнопленные вписались в обыденную картину города. Даже когда не прибывали массовые транспорты, почти каждый час небольшие отряды конвоировались на работу или, ещё чаще, возвращались в лагерь заболевшими.

Конечно, жители Хемера видели нужду и страдания этих бедных людей, иногда старались им помочь, хотя помощь военнопленным строго воспрещалась. Однако преобладающая часть жителей оставалась равнодушной и лишь регистрировала пленных на улице.

Постоянная национал-социалистическая пропаганда подействовала на многих жителей так, что они смотрели на пленных, как на побеждённых врагов, получивших справедливое наказание и не имеющих право на человеческое достоинство. Исходя из такой позиции, случалось, что в военнопленных бросали камни, плевали и оскорбляли.

На работе в предприятиях и на сельскохозяйственных фермах чаще находились точки соприкосновения и можно было поближе узнать отдельного человека. Тут случалось, что кто-то подбрасывал пленным бутерброд, но только тогда, когда коллеги по работе - приверженцы национал-социалистической идеологии - не могли этого заметить, так как каждый опасался доносов. Если же подсчитать эти маленькие проявления поддержки, то можно всё-таки говорить о широкой помощи граждан Хемера, хотя и скрытой. В 1944/1945 годах стало ещё опаснее скрытно сунуть пленному что-либо. Одна очевидица говорит:

„Перед концом войны, когда уже знали, что американцы находились недалеко, строжайше воспрещалось подать что-либо русскому. Никто в Хемере не смел дать русским кусок хлеба, так как никто не доверял даже своему соседу: ведь он мог отправить за это и на виселицу.“

Слишком усердные граждане, преимущественно члены партии, иногда за мелочи доносили на людей, которые, вопреки предписаниям, старались помочь пленным. Насколько строго наказывались судами „в назидание другим“ такие незначительные нарушения - как обмен продуктами с военнопленными подтверждает сообщение районной газеты: „Два месяца тюрьмы за связь с военнопленными.“

Вновь и вновь повторялись указания, что воспрещаются любые связи с военнопленными. Вопреки этим указаниям всё ещё встречаются такие люди, которые думают, что могут общаться с военнопленными и подавать им всевозможное. Иногда эти люди даже стараются способствовать побегу. Подобные связи преследуются суровыми наказаниями. Суд смягчил наказание молодого человека из Гевельсберга ввиду того, что тот не обдумал состава преступления. Он дал военнопленному бутерброды и принял от него табак и папиросы. За это суд приговорил его к тюремному заключению на два месяца.“

Контроль почтовой переписки военнопленных

Открытки и письма были для большинства пленных единственной возможностью сообщить близким о жизни и здоровье, а для родственников - передать пленному весточку о семейных событиях.

Почтовая связь являлась нитью жизни между лагерем и Родиной.

Хотя Главное командование вермахта и одобряло получение посылок, а сами пересылки по почте были урегулированы международно, страх перед саботажем и бюрократические предписания затрудняли почтовую связь; а что касается русских, то ненависть к большевизму совсем её прервала. Западные военнопленные вполне пользовались правом почтовой связи и получали, в особенности из Франции, пакеты и посылки; что значительно улучшило их питание. Польские военнопленные дискриминировались вначале значительно строгими предписаниями почтовой связи. Однако практика показала, что со временем в Главлаге VI А с польскими военнопленными обходились как с западными.

Советским военнопленным не разрешалось писать и получать писем, они не получали пакетов и посылок, что ещё более обостряло и так уже плохое положение пленных.

9. Использование иностранцев на работах в немецкой экономике во время власти национал-социалистов

Использование иностранной рабочей силы, стояло непосредственно в связи с недостатком немецких работников. Первые недостатки рабочей силы показали во время подготовки к войне в 1937 - 1939 годах. По соглашению с другими государствами (Италия, Югославия, Венгрия, Болгария и Голландия) был условлен ограниченный обмен рабочими силами. После нападения на Польшу, впервые получилась возможность использовать в полной мере военнопленных как рабочую силу. В оккупированных районах проводилась систематично вербовка добровольцев - но, так как результаты получались неудовлетворительны - „человеческий материал“ добывался насильственным угоном.

После вторжения в Советский Союз отреагировали, вначале, от эксплуатации советской рабочей силы аж до осени 1941 года, пока „блицкриг“ сулил возможность скорого конца войны. Лишь когда показалось, что война затянется („изнашивающая война“), стали систематично привлекать к работе советских военнопленных и депортированную рабочую силу. **Прежде размышляли о насильственном уgone всех русских в Сибирь, а пленных намерялись заморить голодом.** Этим объясняется факт, что уже в сентябре 1941 года погибло 1400000 советских военнопленных. В противоречие национал-социалистической идеологии, в конце лета 1941 года, уже работало 2,1 млн штатских и 1,2 млн пленных работников. Ведь только рабочей силой из оккупированных территорий было возможно удерживать на уровне идущую полным ходом военную промышленность. С октября/ноября 1941 года советские военнопленные активно вводились в рабочий процесс.

В августе 1944 года был достигнут зенит использования иностранцев на работах.

	Штатские	Пленные
Бельгийцы	203362	50386
Французы	654782	599967
Итальянцы	158099	427238
Голландцы	270304	---
Советские граждане	2126753	631559
Поляки	1659764	28316
Из „протектората“	2802273	---
ВСЕГО	5721883	1930087
ВСЕГО иностранных работников	7615970	

Из 5,7 млн зарегистрированных штатских работников было 1924912 женщин - 87% из них прибыло из восточной Европы.

В какой мере немецкая военная экономика зависела от иностранной рабочей силы доказывают следующие данные:

Отрасль	Доля иностранных трудящихся
Сельское хозяйство	46,4%
Горная промышленность	33,7%
Строительство	32,2%
Металлургия	30,0%
Химия	28,4%
Транспорт	26,0%

Во всей промышленности доля иностранцев составляла 26,5%.

Почта принужденных работников подлежала цензуре Учреждения контроля иностранной почты, которое обстоятельно анализировало содержание пересылок. По результатам анализа можно сделать вывод об условиях жизни и о настроении принужденных работников и военнопленных. В июле 1943 года, анализ настроения пленных, по содержаниям их писем проверенных во Франкфурте, был таков:

Причина отрицательного настроения	Частота в %
Жалобы на питание	35,4%
Антинемецкий настрой	32,9%
Недовольство рабочим местом	8,9%
Жалобы на медицинское обслуживание	6,3%
Недостаток инструментов и материалов	5,6%
Коллективные наказания за саботаж	5,4%

Использование иностранцев в городе Хемер

Небольшие предприятия пользовались совместными лагерями, а большие фирмы строили собственные бараки, в которые стесняли сотни, а иногда и более тысячи пленных. В самом городе и в округе Хемера лагеря трудовой повинности отдельных фирм и совместные лагеря были небольшими. По официальным данным, составленным лишь летом 1949 года, с сентября 1939 по 8 мая 1945 года, в различное время и на разный срок, вне Главлага находилось 11 лагерей, в которых размещалось около 700 военнопленных и штатских.

Некоторые фирмы привлекали к труду военнопленных, которые ежедневно возвращались в Главлаг. Многочисленные фирмы, не располагающие собственными бараками и не использующие совместные лагеря, имели небольшое количество военнопленных, иногда лишь одного.

В конце войны на 80 предприятиях города Хемер и округи работало 484 военнопленных: 7 бельгийцев, 340 французов, 26 поляков, 68 русских, 25 югославов и 18 человек неизвестной национальности.

„Использование русских“ на работах

В начале войны ни правительство рейха, ни Верховное командование вермахта не размышляло над использованием советских военнопленных на работах и, поэтому, ни транспорт, ни помещения, ни скорое введение в трудовой процесс 2 - 3 миллионов человек не были подготовлены.

„Интереса в сохранении этих пленных с целью эксплуатации их рабочей силы в немецкой экономике к этому времени (лето 1941 года) не существовало.“ С одной стороны, рассчитывали на „блицкриг“, который должен был сделать работу пленных ненужной, с другой стороны, национал-социалисты намеривались *физически уничтожить „большевиков“* и, таким образом, смерть 2 миллионов пленных была ими желаемая. В третьих, как для правительства, так и для национал-социалистической идеологии, а также и для большинства немцев (которым постоянно внушалось, что труд облагораживает человека) *было немыслимо*, что „подчеловек“, каким пропаганда представляла пленного, мог занимать рабочее место немецкого трудящегося.

И, всё-таки, уже к концу лета и осенью 1941 года поступали требования на использование советских военнопленных на работах. Даже само Верховное командование вермахта не могло отклонить этого напора требований и в распоряжении от 2 августа 1941 года называло использование советских военнопленных на работах на территории в границах рейха необходимым злом, которое следует ограничить до минимума.

Ранее всех горная промышленность Рурского бассейна стала флагманом использования советской рабочей силы на территории рейха, что в дальнейшем отвергалось руководством партии и Главным ведомством безопасности рейха. В октябре/ноябре 1941 года этот вопрос стал причиной ссоры между Гитлером и Герингом. Гитлер настаивал на истреблении большевизма, а при этом и всех пленных, тогда как Геринг, со своей стороны, нуждался в скором возмещении 100000 французских пленных, которые требовались ему для промышленных предприятий военно-воздушных сил. Наконец, Герингу удалось пойти с Гитлером на компромисс, который нашёл своё отражение в указе Верховного командования вермахта от 31 октября и в указе Геринга от 7 ноября 1941 года.

В этих указах говорится о принципиальном использовании советских военнопленных на работах, но только в сельском хозяйстве, в надземном и подземном строительстве, на добыче угля, по мере надобности и на других неквалифицированных, но тяжёлых работах. Плохие помещения и плохое питание предусматривались Герингом наравне с суровыми наказаниями за малейшие провинности.

Хотя и в различной мере, эти два стремления: *истребление и эксплуатация* - похитили жизнь или здоровье миллионов советских солдат.

Использование на работах в горной промышленности

Работа в забоях являлась одной из худших работ, к которым привлекались военнопленные, имеющие и без того уже плохое состояние здоровья. С 1 июля по 10 сентября 1943 года только в горном деле Рурского бассейна умерло 27638 пленных. Верховное командование вермахта констатировало, что на первую половину 1944 года в горном деле отмечался „отход“ 32326 советских военнопленных и что „средний месячный износ“ (!) советских военнопленных на добыче каменного угля составляет около 5000 человек или 3,3%. Под выражением „отход“ подразумевалось возвращение заболевших в Главлаг или лазарет, смертные случаи, а также побег. Экстраполируя на целый год, потери были свыше 30%.

Чаще всего причинами, ведущими к смерти, были: воспаление лёгких, туберкулёз, нарушение сердечно-сосудистой системы, телесное обессиление, отравления (заражение крови), а с 1945 года отравления нелегально-дистиллированным самогоном и ворованным метиловым спиртом.

Из отчётов комендантов лагерей для военнопленных и отчётов Международного Красного Креста стали известными многие причины приводящие к заболеваниям и к самой смерти:

- Переполненные помещения, не обеспечен ночной покой, везде полно паразитов, отсутствие одеял
- Плохое питание
- Пленные возвращались из шахты в мокрой одежде и на следующий день уходили в забой, не получив возможности просушить её
- Недостаток в спецовках
- Не соблюдались распоряжения о безопасности труда
- Пленные подвергались истязаниям
- Медобследования на пригодность к работам в горном деле были поверхностными; иногда штатский врач осматривал 200 пленных в час
- Заболевших приводили к врачу слишком поздно, а ещё невыздоровевших посылали обратно в забой.

„Оплата труда“ военнопленных

Сложная, часто переменная и по отраслям производства различная система зарплат военнопленным является слишком обширной для подробного описания. Поэтому здесь более подробно представляется лишь сам принцип платы советским военнопленным.

Как правило предприниматель платил в казну рейха 80% тарифной ставки или общепринятой местной сдельной заработной платы и добавочно 10% единообразного налога. В дальнейшем, он должен был переводить в компетентное отделение вермахта определённую сумму (вначале 0,06 имперских пфеннигов за рабочий час, т.е. 0,54 имп. марки за рабочий день или 13,50 имп. марок в месяц, а с июня 1940 года 0,80 имперской марки за рабочий день. Эту, иногда сокращённую сумму, выплачивали работающим пленным в лагерных деньгах. С 1 апреля 1943 года, **западные** пленные получали при бесплатном помещении и продовольствии по 0,70 имп. марки, а польские пленные - по 0,50 имп. марки за рабочий день.

Работодатели платили за помещение, одежду, уплачивали единообразный налог, социальные издержки и пересылали определённую сумму в Главлаг, т.е. значительно больше упомянутых 20 пфеннигов, чтобы не возникло желание заменить всё больше немецких работников на военнопленных.

14 сентября 1944 года были сведены воедино различные распоряжения Верховного командования вермахта от 6 апреля, 24 и 28 сентября 1943 года. Содержащаяся в них сводная таблица месячной зарплаты даёт возможность ознакомиться с „политикой в области зарплат“ Верховного командования вермахта.

<p>Использование советских военнопленных на работах было подобно на таково восточных (штатских) работников, но значительно более суровое. Не только намерялись использовать пленных славян на рабском труде, но обдумывали, временно, даже их физическое истребление.</p>

сопоставимому немецкому работнику		Зарплата			
		западному пленному		советскому пленному	
от	до	доля Главлага	<u>ДОЛЯ</u> <u>пленного</u>	доля Главлага	<u>ДОЛЯ</u> <u>пленного</u>
	2,--	0,50	0,50	0,75	0,25
2,--	4,--	1,--	1,--	1,50	0,50
4,--	6,--	2,--	1,25	2,50	0,60
6,--	8,--	3,--	1,50	3,75	0,75
8,--	10,--	4,--	2,--	5,--	1,--
10,--	12,--	5,--	2,50	6,25	1,25
12,--	15,--	6,--	3,--	7,50	1,50
15,--	18,--	8,--	3,50	9,75	1,75
18,--	21,--	9,--	4,--	11,25	2,25
21,--	24,--	11,--	5,--	13,50	2,50
24,--	27,--	13,--	6,--	16,--	3,--
27,--	30,--	14,--	7,--	17,50	3,50
30,--	35,--	16,--	8,--	20,--	4,--
35,--	40,--	18,--	9,--	22,50	4,50
40,--	45,--	21,--	10,--	26,--	5,--
45,--	50,--	24,--	11,--	29,50	5,50
50,--	55,--	27,--	12,--	33,--	6,--
55,--	60,--	30,--	13,--	36,50	6,50
60,--	65,--	33,--	14,--	40,--	7,--

Стоимость рабочей силы для работодателя при использовании военнопленных, включая долю Главлага, составляла 70-75% стоимости сопоставимого немецкого рабочего.

Производительность труда военнопленных

Средний уровень производительности труда штатских работников и работниц (у женщин, в основном выше, чем у мужчин) составлял 80 % производительности труда сопоставимого немецкого рабочего, а средняя ожидаемая производительность военнопленных была 75 - 80%. Расчёты и оценки касаются предположительно 1943-1944 годов и должны дифференцироваться по годам и по национальностям. Производительность труда бельгийских и французских пленных была высока, поляков - ниже. На много ниже она была у советских военнопленных и у итальянцев. В первые месяцы привлечения к труду советских военнопленных, их эффективность труда составляла 30% от таковой их немецких „коллег“. После смерти многих обессиленных людей и улучшения питания, она возросла до 50%. В горной промышленности количественно оценивалась на 50%, а при применении премий повышалась до 70%. Упомянутая выше квота в 75-80% могла быть достигнута только при помощи жестокого отбора слабых, постоянного нажима и удлинения рабочего времени.

Возмещение в послевоенное время за исполненную работу

Военнопленные и принужденные работники много лет трудились за минимальную зарплату. Путём причисления их заработка к разряду зарплат ниже тарифа и, выплаты зарплат в неконвертируемых лагерных деньгах, при вычетах за питание и помещение - эксплуатировалась их рабочая сила.

Возмещение за труд отсрочилось после войны до времени объединения Германии. Межгосударственные соглашения по возмещению заключались с 1959 по 1964 годы исключительно с западными державами. Только в 1993 году, после объединения Германии, произошёл соответствующий обмен нотами по вопросам о возмещении для принужденных работников с государствами бывшего Советского Союза.

Для республики Беларусь (в Минске), для Российской Федерации (в Москве) и для Украины (в Киеве) - основались фонды на общую сумму в один миллиард немецких марок.

Какое значение, всё-таки, имеют эти попытки возмещения, наглядно показало в 1994 году большое число запросов на выдачу удостоверений о труде в Международном бюро по розыску пропавших без вести лиц в Арольсен. Только из Москвы поступило 350000 запросов - в основном от бывших принужденных работников.

Следует отметить, что по поводу этой запоздалой реакции, возмещение достигнет большую часть пострадавших в недостаточной мере или не достигнет вовсе в виду их смерти.

Один немецкий журналист писал:

„Советские военнопленные и многочисленные другие иностранные лица, пострадавшие от национал-социалистического режима, едва попадают в центр внимания немецкой общественности. Следовательно, жертвы не получили никакого индивидуального возмещения от Германии. Все предпринятые в последние годы старания помочь людям в восточно-европейских странах при помощи организации фондов слишком запоздали, причём на практике они ещё слишком неудовлетворительны, чтобы по-настоящему облегчить большому количеству переживших плен преодолеть материальные трудности на склоне лет.“

10. Конец войны и передача лагеря в Хемере

С 7 на 8 марта американские войска переправились через реку Рейн возле города Ремаген, а 23 марта - возле города Везель. Они обошли Рурскую область и 1 апреля встретились возле города Липштадта. Создалось так называемое „Рурское окружение“, в котором оказался генералфельдмаршал В. Модель со своей группой „Б“, численностью в 325000 солдат. После расчленения „Рурского окружения“ на большую, западную, и на меньшую, восточную, части, сильное наступательное давление на последнюю принудило воинские части III-го корпуса под командованием генерал-лейтенанта Байерлайна отступить на территорию городов Изерлон/Хемер. Солдаты группы были истощены, деморализованы и почти не располагали боеприпасами и горючим. К немногим, ещё боеспособным подразделениям, принадлежала истребительная танковая часть „тигров“ под командованием хауртмана Альберта Эрнста, жителя города Изерлон. Эта танковая часть была оснащена современной техникой, превосходящей по качеству технику союзников, и внушала им большое уважение.

Фельдмаршал Модель выступал за дальнейшее сопротивление, в то время как генерал-лейтенант Байерлайн намеривался провести упорядоченную сдачу „Рурского окружения“. Байерлайн посетил Главлаг VI A 12 и 13 апреля и пытался наладить снабжение продовольствием. По его мнению, город и лагерь следовало сдать без боя. Во время последнего посещения он распорядился, чтобы была подготовлена организованная передача лагеря, что и было выполнено. Первые переговоры были проведены со стороны вермахта с американцами с целью нейтрализации Хемера, что послужило прекращению огня американскими войсками.

Независимо от этих переговоров хауптман Эрнст - хотя и неуполномоченный - провёл по просьбе комиссар-бургомистра города Изерлон и нескольких врачей, „личный разговор“ с американским полковником Критцем. Договорились о сдаче без боя всей территории, которую контролировал Эрнст; причём его боевая часть получила право свободного отступления. Танки Эрнста отступили в Изерлон, а 4500 солдат сдались в плен. Неожиданным броском американская боевая группа под командованием полковника Дайлея захватила аэродром Дайлингхофен и остановилась непосредственно перед Главлагом.

Защита лагеря могла вызвать обстрел его и большое кровопролитие. Чтобы избежать такой катастрофы, немецкий хауптман Веллер вышел навстречу наступающим американцам. Когда он, хотя и с опозданием, встретился с ними, то рассказал им о положении в лагере и выразил опасение администрации, что она может потерять контроль над лагерем. Два американских офицера поехали с хауптманом Веллером в Главлаг и, таким образом, хотя формально не совсем корректно, лагерь был передан американцам.

В лагере царил катастрофическое положение, так как находилось в нём более 23000 пленных, а почти не имелось продовольствия. Полковник Дайлей снял с поста коменданта лагеря фон Вусова, но поручил ему следить за порядком в лагере. Как неуполномоченный к сдаче города, Вусов сопровождал полковника Дайлея в немецкий штаб в Хемере, но там уже не нашлось уполномоченных лиц.

К этому времени ещё одна американская боевая часть подошла к лагерю и, не зная о том, что лагерь был передан полковнику Дайлею, заняла лагерь во второй раз.

14 апреля Хемер был полностью оккупирован, 17 апреля затихли бои в восточной части, а 18 апреля сломалось сопротивление и в котле „Рурского окружения“. 21 апреля, в лесу под городом Дуйсбургом, застрелился фельдмаршал Модель.

11. Пленные Главлага VI А после освобождения

Передача Главлага VI А полковнику Дайлею состоялась 14 апреля после обеда, а в 1600 часов боевой группе 17-го американского танкового полка Шетвля. Американцы не разрешили военнопленным ворваться в город через ворота. Однако, через дыру в ограждении лагеря часть пленных ушла в город. Когда пленные начали разрезать ограждение в других местах, американцы вызвали две роты пехоты и несколько лёгких танков, чтобы предупредить массовые побег. Большинство ушедших американцы возвратили назад, ссылаясь на выдачу продовольствия, а других возвратили в лагерь силой.

Пленных задержали в лагере по части для их собственной безопасности, так как они, почти обезумевшие от голода, набрасывались иногда даже на падаль, жадно поглощая всё что попадалось и, почти сейчас же, их рвало проглоченным. Само собой разумеется, что и в лагере случались нарушения: пленные разграбили кухню, обыскали кладовые.

Николай Иванович Губарев, как очевидец, так изображает первые дни жизни в лагере после передачи:

„Тотчас, после освобождения лагеря, начались работы по спасению пленных. Тела мертвецов из 5-го блока перевезли на американских грузовиках и положили на лугу перед лагерем для установления личности. Пленные, кто ещё держался на ногах, вырвались из лагеря и искали продовольствие в подвалах близлежащих домов. Одеты в невообразимую одежду, они тащили в лагерь найденное продовольствие. Во всевозможных углах лагеря мгновенно разжигались костры, на которых готовилась пища.

Группа американских врачей и санитаров стала ухаживать за больными пленными в наскоро разбитых палатках. В лагерь опять подали воду и создали небольшой склад с продовольствием для утоления сильного голода. Снова начала работать кухня, но только небольшое количество пленных питалось от неё. Большинство пленных наслаждалось свободой. Они не могли себе представить, что американцы будут в состоянии подвезти так быстро достаточно продовольствия. Поэтому американцам пришлось буквально ловить пленных и привозить их назад в лагерь.

Американцам удалось очень быстро разместить всех заболевших в санпалатках, а потом разослать их по лазаретам округи. Очень слабых и тяжело больных умыли, дезинфицировали и отправили в первую очередь.

В течение одного дня более тысячи пленных из блоков 5 и 7 перевезли в лазареты. Все пленные получили американскую форму и могли выбросить лохмотья, в которые были одеты. Были назначены советский и американский коменданты лагеря. Они совместно старались навести дисциплину и порядок в лагере.

В последние дни войны продовольствие выдавалось нерегулярно и в недостаточном количестве (привозили заплесневелый в вагонах хлеб, а другие поставки и вовсе не доходили до лагеря, теряясь в общем хаосе), и пленные были совершенно изморены голодом и жадно набрасывались на всё съестное. Те, кто убежал из лагеря, часто грабили крестьянские усадьбы и дома в округе, резали животных в хлевах и на пастбищах, воровали одежду, матрацы, радио, часы и т.п. Иногда доходило до насилия над немецкими жителями.

Американцам не оставалось другого выхода, как применение более жестоких мер к ушедшим из лагеря.

После передачи лагеря пленные отомстили бывшей лагерной полиции и выбросили нескольких коллаборационистов из окон верхнего этажа 8-го блока. В основном порядок установился лучше ожидаемого.

Спустя несколько дней после взятия лагеря, американцы составили следующий список пленных по национальностям:

Русских (сов. гр.)	19411
Французов	2753
Бельгийцев	548
Итальянцев	190
Поляков	140
Югославов	107
Румынов	30
Греков	14
Чехов	4
Британцев	4
Вместе	23302 человека

9000 из них следовало лечить в больницах от туберкулёза, тифа, дизентерии и от истощения. Следовало придать земле по меньшей мере 200 мертвецов, которых не похоронили в последние дни войны, и которые до сих пор лежали сложенные до самого потолка и посыпаны хлорной известью в подвале пятого блока.

В первые дни после передачи лагеря умерло ещё 816 человек от болезней и от изнеможения.

Американцы приказали членам национал-социалистической партии города Хемер из воспитательных соображений пройти через лагерь, чтобы врезалась им в память эта картина.

Американцы быстро создали лучшие условия гигиены: бывшие пленные получили больше помещений; бараки и одежду больных туберкулёзом сожгли под надзором; известные городские национал-социалисты очистили лагерь от мусора.

Урегулировалось снабжение больных, распределённых по всем больницам и лазаретам. Состояние здоровья у оставшихся в живых заболевших поправлялось скорее предвиденного, так как многие болезни были результатом недоедания, а американцы обильно снабжали их высококачественным продовольствием.

12. Судьба перемещенных лиц (Displaced Persons = „лица не на своём месте“)

Судьба многих военнопленных, в особенности из Восточной Европы не сразу после их освобождения из лагерей изменилась к лучшему. Вместе со штатскими иностранными работниками и узниками концентрационных лагерей и лагерей для интернированных лиц, они получили статус „Displaced Persons“, т.е. лиц, которые в конце войны находились „не на своём месте“ и были найдены союзниками на территории немецкого рейха или на землях оккупированных немцами. Хотя большинство этих людей сравнительно быстро возвратилось в родные края, будущее „лиц не на своём месте“ из Восточной Европы стало проблемой, которую англичане и американцы, находясь под влиянием подписанного в Ялте договора, не могли или не хотели решить гуманно из-за отсутствия концепта. Политические намерения и учёты чужих интересов долго диктовали действия стран-победительниц. В мае 1945 года на европейском континенте находилось 13,4 млн насильно угнанных лиц. Несмотря на всеобщий хаос первых послевоенных месяцев и расстроенного транспортного движения до конца 1945 года, репатриация перемещенных лиц продвигалась быстрее ожидаемого. Из общей численности 5821000 человек только в Вестфальской области, лишь 1047895 не репатрировалось до 30 сентября 1945 года. Почти все оставшиеся были из Восточной Европы: советских граждан - 40604, жителей Прибалтики - 138831, поляков - 892081; данные из советской сферы влияния нам не известны.

Неодинаковые квоты репатриантов имеют свои причины. Успешнее всего в репатриации своих граждан был Советский Союз.

С 12 июня 1945 года, в течение нескольких дней, регистрировалось в назначенных пунктах по 100000 советских перемещенных лиц ежедневно, так что к 30 сентября 1945 года из западной и советской зон влияния, через главный сборный пункт во Франкфурте-на-Одере репатриировалось более двух миллионов человек - всего около пяти миллионов.

При этом СССР пренебрёг первой статьёй Устава ООН, которая гарантирует свободный выбор места проживания. Правительство принудило возвратиться в СССР также и нежелающих. Западные державы, подписавшие договор в Ялте, выполняли соглашения и считали нужным допущение принудительной репатриации советских граждан. При этом им было известно, что настоящих или мнимых немецких прислужников ожидала, по их возвращению, скверная участь.

На петиции и сопротивление просителей, в особенности с Украины и Прибалтики, западные союзники не обращали большого внимания. Прежде всего жители Прибалтики, но также и украинцы должны были считаться с тем, что после репатриации их ожидает незаконное обращение, ссылка на принудительные работы или даже смерть, так как многие из них добровольно прибыли на работу в Германию.

В необыкновенном контрасте к успехам по репатриации угнанных из западных государств и советских граждан находилось возвращение поляков из западной зоны влияния. Из 910000 человек польской национальности до сентября 1945 года проживали свободно или в различных сборных пунктах в западных оккупационных зонах ещё 92%. Желание репатриации было незначительно. Итак зимой, с 1945 на 1946 год, приблизительно 800000 польских „лиц не на своём месте“ пребывало на западе.

Об участи возвратившихся или принудительно репатриированных в СССР, в Прибалтику, в Польшу и в другие государства Восточной Европы людей не имеется обобщенных данных, так как до лета 1987 года в СССР об этом не вспоминалось. Многие из принуждённо репатриированных, в особенности бывшие восточные работницы и работники, были сосланы в рабочие лагеря или ликвидированы за действительное, а часто мнимое сотрудничество с немцами или как „враги социализма.“ Даже людей, возвратившихся после долговременного заключения, ожидала нелёгкая участь. После проверки советскими властями в лагерях, только одна третья часть бывших пленных возвращалась домой к семьям, около миллиона других депортировали в рабочие батальоны, на особые места поселения или в исправительные лагеря. Эту констатацию, на основании сообщений русских газет, долгое время невозможно было точно количественно проверить, но с 1987/88 годов её правильность не подлежит сомнению.

Жестокое обращение к возвратившимся советским военнопленным укрепило с первого года войны. В сталинском приказе №270 от 16 августа 1941 года сдача в плен врагу или побег считаются дезертирством и нарушением военной присяги и грозит расстрелом на месте. В первом и третьем разделах приказа недвусмысленно говорится о командующих военными единицами и о политических кадрах, но менее ясная формулировка второго раздела приказа даёт возможность расширить применение приказа и к рядовым военнослужащим.

Этот тайный приказ и на нём основанная государственная пропаганда способствовали тому, что любая сдача в плен, несмотря на обстоятельства, в которых она состоялась, считалась дезертирством и нарушением военной присяги. Для последовательного проведения этого положения, возвратившихся из Германии - цифровые данные колеблются между 1638000 и 2500000 человек - проверяли органы НКВД и многих наказывали. Перед репатриацией освобождённых обещали не наказывать, если они не принимали активного участия в действиях против СССР. Но за провинность - сдача в плен - военнопленные всё же должны были отвечать по закону. На практике это означало, что из всех групп репатриированных к военнопленным относились с самым сильным подозрением. В начале репатриации, в потоке наступательного продвижения Красной Армии, все освобождённые военнопленные немедленно посылались в спецлагерь НКВД для „проверки“. Когда их количество возросло, с января 1945 года, посылались в такой лагерь лишь офицеры, а рядовых и сержантов проверяли в фронтовых лагерях Красной Армии для военнопленных и затем или принимали в ряды Армии или проверяли дополнительно, а потом наказывали. К репатриированным офицерам относились принципиально как к прислужникам или как к членам группы „Восток“.

Даже те, которые не были - как большинство офицеров - расстреляны или депортированы в рабочие лагеря, оставались клеймёнными до недавнего времени, и их долго обделяли при государственных выплатах. Правда, при Хрущёве, по крайней мере формально, уравнивали возвратившихся на Родину с победоносными фронтовиками, и для многих из них открылись тюремные двери. В связи с горбачёвской Гласностью и Перестройкой, в 1987 году, открыто встал вопрос о реабилитации бывших военнопленных. И лишь в 1988 году в СССР был дословно опубликован пресловутый приказ Сталина №270.

До 1992 года ещё не везде были восстановлены полные права для попавших в плен во время войны, а большинство из них не дожило до реабилитации.

Но и тем, кого сталинское государство или новый режим в Польше пощадили, предстояли трудные годы жизни: война обездомила их семьи, их родные города и сёла были разрушены. Возмещение оставшимся в живых после немецких лагерей выплачивалось в течение многих лет только в очень редких случаях; соответствующие ходатайства отсрочивались министерствами и судами Федеративной Республики Германии. Окончательное урегулирование возмещения предусматривалось в договоре о мире после объединения Германии.

Тяжелая доля пленных Главлага VI А прослеживается лишь до сентября 1945 года. После освобождения пленных в середине апреля о военнопленных заботились американцы, позже англичане и советские. Иностранцы - бывшие военнопленные и штатские рабочие, преимущественно из Восточной Европы - ещё долго задерживались по казармам и лагерям. Большинство советских перемещенных лиц находилось в бывшем Главлаге, который теперь назывался „Кэмп Рузвельт“. Советские граждане и итальянцы размещались также в казармах им. Зейдлица на границе между Изерлоном и Вестигом. К ушедшим из лагеря бывшим военнопленным и штатским работникам американцы применяли строгие меры наказания за грабежи. Также и позже, когда англичане приняли на себя управление, создавалось впечатление о высоком уровне уголовной преступности среди иностранцев, так как небольшие банды и одиночки всё ещё занимались грабежом.

На короткое время город Хемер явился важным региональным центром по репатриации советских граждан. Со всего округа привозились советские перемещенные лица в Хемер и здесь, в „Кэмп Рузвельт“ они подлежали регистрации в бюро по репатриации, которое пересылало их большими партиями во Франкфурт-на-Одере. Только немногие пленные, не более десяти человек, получили разрешение остаться в Германии или эмигрировать в США, как квалифицированные специалисты.

В конце августа 1945 года все советские военнослужащие покинули „Кэмп Рузвельт“, а Британская Рейнская армия заняла здания. В хемерском бюро репатриации, как и в других местах, репатриация бывших пленных проводилась строго и, при необходимости, даже насильно при поддержке западных союзников. Как и все советские перемещенные лица, пленные Главлага VI А пересылались сперва в проверочный лагерь во Франкфурте-на-Одере и подлежали строгому допросу в соответствии со статьями сталинского приказа №270.

Например, Николая Ивановича Губарева задержали в этом лагере на 3 месяца и, только после многочисленных допросов, он был отправлен через Москву в родной город в Киргизской ССР.

Д-р Александр Старушенко, который был в составе группы советских врачей в Главлаге VI А и был тесным сотрудником немецкого штабного врача д-ра Штейнигера, был осуждён в проверочном лагере во Франкфурте и депортирован в рабочий лагерь именно за сотрудничество с д-ром Штейнигером.

После передачи Главлага VI А американцы приняли все документы лагеря, увезли их и, возможно, разделили по национальностям. Практика проверок во Франкфурте-на-Одере позволяет догадываться, что документы советских военнопленных переслались в проверочный лагерь во Франкфурт советским штабом в Хемере, так как все улики, находящиеся в них, были употреблены против бывших пленных.

Депортация, исправительные лагеря и другие санкции ожидали многих русских, украинцев и балтов, которым удалось остаться в живых в немецких лагерях.

Из 5,7 млн советских военнопленных попавших к немцам, в немецком заключении погибло 3,3 млн. Освобождения из немецких лагерей дождалось около 2,4 млн, а по новейшим данным русских - только 1,8 млн человек. Это соответствует смертности в 58% пленных из СССР, в противовес к максимально 5% погибших британцев и французов в немецких лагерях.

Для сравнения: из немецких военнопленных погибло в Советском Союзе 35 до 37%.

13. Кладбища Главлага VI А

Умерших в Главлаге VI А военнопленных хоронили на особых кладбищах и на отдельной части городского кладбища. После второй мировой войны имелось 5 мест погребения, из которых 3 места закрылись в течение последующих лет, после перехоронения умерших.

Могилы военнопленных на лесном кладбище (Waldfriedhof)

Западные пленные, поляки и югославские пленные (сербы) хоронились на городском кладбище "Вальдфридхоф". На могилах умерших христиан ставились деревянные кресты, могилы иных верующих снабжались табличкой с именем, датой рождения и смерти. Умерших хоронили, по возможности, в простых деревянных гробах. Похороны проводились в достойной обстановке и в сопровождении французского или польского военного священника. Иногда отряд немецких солдат принимал участие в похоронном шествии через город. Один французский скульптор изготовил мемориальную плиту, которую установили в 1942 году на кладбище "Вальдфридхоф". Верхняя часть плиты из песчаника представляет скорбящую женщину, ниже - текст: "A NOS CAMARADES MORTS EN CAPTIVITE" (нашим товарищам, умершим в плену), а в самом низу - высеченный крест. С 1947 по 1956 годы останки западных военнопленных были переправлены на родину или на большие центральные кладбища в Германии. Смертные останки югославов, поляков и граждан неизвестных национальностей перезахоронили на русском кладбище на Дуло, останки итальянцев - на итальянском кладбище у Дуло (закрыто в 1957 году), и, таким образом, почётное захоронение на "Вальдфридхофе" было в 1956 году закрыто. Мемориальную плиту французов перенесли в 1955 году на русское кладбище.

Кладбища советских военнопленных

Расистская идеология национал-социализма не позволяла достойно хоронить умерших советских военнопленных. Ни могила, ни мемориальная плита не должны были напоминать о военнопленных из Советского Союза. Поэтому тела умерших советских военнопленных зарывали в массовых могилах - без погребального обряда. В 1941 году немецкие власти распорядились, чтобы советских военнопленных не хоронили в гробах, а их тела только заворачивались в промасленную или просмоленную бумагу. Погребения должны были проводиться скрытно, без траурных торжеств, без убранств, без участия священника и на отдельных кладбищах.

Кладбище на Хёклингзервег (Höcklingser Weg)

Уже в начале 1942 года большое количество смертных случаев советских военнопленных создало необходимость устройства особого

места для погребений. Город Хемер взял в аренду участок пастбища возле евангелического кладбища на Хёклингзервег. Необыкновенно высокая смертность привела к тому, что невозможно было уже соблюдать требуемой скрытности погребений. Повозки с мертвецами были видны штатским жителям, а прохожие на проходящей возле кладбища дороге могли наблюдать за событиями на кладбище.

В течение 15 месяцев на кладбище Хёклингзервег было погреблено около 3000 человек. Вермахт занимался погребениями и выдавал документы. Поэтому, анкетные данные оставались неизвестными администрации города Хемер.

В 1949 году кладбище переустроили, ряды могил сравнивали и засеяли травой. В 1965 году простой памятник, построенный военнопленными Главлага VI А после войны, был снесён, и на его месте воздвигнут мемориальный комплекс из блоков песчаника. Мемориал был торжественно открыт в поминальное воскресенье (26 ноября) в 1967 году. После ещё одной переустройства кладбище приняло сегодняшний облик. Мемориальное место, приблизительно 3000 квадратных метров, обнесено живой изгородью и засажено в основном берёзами. Главная дорожка ведёт от ворот по ступенькам к небольшой площадке с мемориальным комплексом, на котором написано:

"Здесь покоятся 3000 советских граждан, умерших вдали от Родины в 1941-1945 годах." Над надписью высечена советская звезда.

Кладбище на Дуло (Duloh)

В начале 1943 года кладбище Хёклингзервег было переполнено, и к концу марта 1943 года город Хемер предоставил Главлагу земельный участок на Дуло, возле стрельбища, под кладбище. Хотя это место было и далеко от Главлага, но оно находилось в военной запретной зоне. Таким образом, штатские лица были лишены возможности наблюдать за событиями на кладбище. Однако путь повозки с мертвецами пролегал через весь город.

Умерших военнопленных в лагере раздевали (их одежда собиралась и выдавалась снова), ложили на два листа промасленной бумаги, тела посыпали хлорной известью, бумажные полотнища накладывали одно на другое и связывали. При растущем дефиците материалов, когда бумага и верёвки почти не поставлялись, голые тела мертвецов просто бросали на повозку. Один очевидец, который работал в 1943 году в качестве постового у кладбища, мог наблюдать прибытие повозки с телами и погребение, рассказывает: "Несколько пленных, соблазнённых водкой и дополнительными пайками, выполняли скорбное задание: ежедневно собирать трупы умерших в лагере, отвозить их конной повозкой на русское кладбище и хоронить их там в общих могилах. Во время контрольного обхода караульных постов у стрельбища я заметил, часов в пять утра, лошадиную повозку, приближающуюся к упомянутому месту... На некотором расстоянии я

последовал за этой повозкой, которая подъехала к полуоткрытой могиле. Извозчик - мужчина в оборванной солдатской одежде - открыл заднюю задвижку повозки и мне представился ужасный вид уже частично разлагающихся трупов. При помощи крючка мужчина вытаскивал мертвецов из повозки, которые по одному или несколько за раз вались в ров. Руками (на них были длинные рукавицы) он укладывал трупы один на другой высотой 1,5 метра, придавливая их лопатой и сапогами. Передняя "стена" трупов прикрывалась землёй, и это ужасающее, отвратительное и нечеловеческое погребение на этом заканчивалось. Я насчитал 25-28 мертвецов, которые наконец избавились от всех доставленных им немцами бед и мучений и, хотя по-зверски погреблены, нашли свой вечный покой."

Рабочая бригада советских военнопленных постоянно была занята рытьём глубоких и очень длинных рвов в 3 метра шириной и 2,5 метра глубиной для 4 рядов сложенных один на другого исхудавших до костей мертвецов, сравнивая их с землёй после недостойного человека погребения.

Советская военная миссия дала после войны заказ на устройство на кладбище монументального памятника. Этот памятник был создан по планам русского архитектора, лейтенанта Левицкого и был открыт 9 октября 1945 года в присутствии высших офицеров и бургомистра города Хемер. От Советской Армии присутствовали: старший офицер советской военной миссии по делам репатриации при 1-м британском корпусе, подполковник Воронов и старший офицер советской военной миссии по делам репатриации при 49-й британской дивизии, подполковник Гудков.

Памятник из серо-зелёного доломита, высотой в 6 метров, состоит из цоколя со ступеньками, постамента с надписями и обелиска с рельефом, на котором представлены три изнурённых рабским трудом пленника. Наверху - пятиконечная советская звезда с серпом и молотом. На трёх сторонах нижней части памятника, на плитняке, находятся нижеприведённые надписи по-русски в следующей очерёдности чтения: передняя, правая, левая стороны:

Спите спокойно,
От Родины ясной
Свет к Вам струится
Широкой рекой,
Зоркие воины Армии Красной
Ваш охраняют покой.

Вам,
Испытавшим все муки и боли,
Пытки
Вдали от отчизны родной,
Братьям,

Погибшим в фашистской неволе,
Вечная память
И вечный покой.
1941-1945

Те, кто замучили Вас на чужбине
От кары, настигнувшей их, не ушли.
Силой могучей сметённые ныне
Сами могилу себе обрели.

После освобождения лагеря число умирающих удерживалось вначале на высоком уровне, приблизительно по 100 человек в день (как и перед 14 апреля), но затем хорошее снабжение от американской армии начало постепенно действовать. Для многих же сотен советских военнопленных помощь запоздала: лишения были слишком велики, и поправиться им было уже невозможно. В ведущемся с 28 апреля списке похороненных на кладбище Дуло советских военнопленных за апрель занесено 790 человек (222 из них - неизвестных). В мае 1945 года на кладбище похоронили 252, в июне - 111, в июле - 83 и в августе - 43 человека.

В феврале 1946 года городская администрация сообщила, что на кладбище Дуло похоронено 19979 человек в общих могилах и 22 человека - в одиночных. В последующем это число изменилось вследствие отдельных или массовых перезахоронений. В 1949 году ряды могил сравнивали, и всё засеяли травой для более удобного ухода за кладбищем. В 1966 году памятник подлежал капитальному ремонту. В 1987 году по заказу города Хемер была прикреплена на цоколе памятника табличка с переводом на немецкий язык надписей и ещё табличка у входа с информацией для посетителей:

"Здесь покоятся более 20000 жертв национал-социалистической диктатуры и войны. Жертвы различных национальностей, но в преобладающем большинстве из Советского Союза. Советских военнопленных возвращали с принудительных работ в Рурском бассейне в Главлаг VI А в Хемере больными или почти заморенными голодом. Там они умирали от последствий перенесённых ими лишений. Умершие обязывают нас сделать всё возможное, чтобы предотвратить следующую войну."

Кладбище на Дуло занимает площадь 6728 квадратных метров, является военным местом погребений и доступно каждому в любое время. Необозначенные братские могилы находятся на засаженной берёзами территории под сплошным газоном с грядками цветов. Через ворота от подъездной дороги посетитель идёт по широкой, обсаженной берёзками центральной аллее к мемориалу. Слева, возле входа, находятся 22 одиночные могилы, а с правой стороны, в северо-восточном углу, - ещё 74 одиночные могилы. Здесь нашла своё место и мемориальная плита, созданная одним французом в 1941/42

годах. С 1982 года ежегодно, в ноябре, в День памяти усопших, здесь проводятся празднования.

На кладбище покоятся 20470 умерших, почти исключительно безымянно зарытых советских военнопленных. В кладбищенские списки 1975 года занесено 717 умерших, из которых у 702 известны фамилии, а 15 жертв зарегистрированы как неизвестные. 638 жертв - это граждане Советского Союза, 47 поляков, 19 югославов, 1 бельгиец, 5 румын и 17 лиц с неизвестным гражданством. В отдельных могилах похоронены, кроме военнопленных из Польши, Югославии и Румынии, также иностранные работники, 10 работниц и трое детей. Не имеется никакой информации о 19753 советских военнопленных, похороненных в братских могилах. За исключением 23 смертных случаев в 1942-1944 годах, Главлаг не информировал штатское ведомство (бюро загс города Хемер) о смерти советских военнопленных и отмечал только в картотеках лагеря. В Хемере, кроме упомянутых 23 исключений, находятся данные об около 700 поимённо зарегистрированных военнопленных, которые умерли после 28 апреля, то есть 14 дней после освобождения лагеря американцами.

Братская могила на Хазело (Haseloh)

14 апреля 1945 года, после взятия лагеря, в подвале 5-го блока нашли трупы, которые не похоронили перед освобождением из-за артиллерийского обстрела американской армией. Чтобы избежать эпидемии, американцы приказали немедленно похоронить тела на незастроенном участке Хазело, северовосточнее территории лагеря. Останки этих 252 мертвецов были перезахоронены с апреля по декабрь 1946 года на кладбище Дуло.

Умершие в Главлаге VI А

С октября 1939 по сентябрь 1945 годов Главлаг VI А погубил почти 24000 жертвы. Люди разных национальностей умирали от слабости, от болезней, от последствий полученных ранений, вследствие насилия, эпидемий и голода. Преимущественную часть жертв, около 23500 человек, составляли советские военнопленные, но точное количество жертв неизвестно. Все упомянутые данные о количестве основаны на данных из документов штатских учреждений послевоенного времени.

Работа над историей Главлага VI А вызвала желание составить книгу Почёта с именами жертв Главлага VI А. К сожалению, попытки по установлению имён самого большого круга жертв - советских военнопленных пока не завершились успехом. Обширная лагерная картотека Главлага, которая могла бы дать информацию о именах и судьбах пленных, по высказываниям очевидцев, исчезла через несколько дней после освобождения лагеря и, возможно, находится сегодня в одном из русских государственных или военных архивов, например в Подольске. На это указывает тот факт, что в 80-х годах

город Хемер получил из Советского Союза от родственников умерших пленных запросы, содержащие детализированную, неизвестную в Хемере информацию. Город Хемер и теперь продолжает дальнейшие розыски этих документов.

Говоря о количестве жертв, не следует, однако, забывать о тех многих десятках тысяч пленных, которые из Главлага посылались на работу и погибли там: в рабочих лагерях, на маршах к месту работы, на рабочих местах, особенно в тяжёлой промышленности и в шахтах, вследствие несчастных случаев, произвола охранников, придирок немецких "коллег", налётов, эпидемий и недоедания.

14. Мемориал у казармы - символ примирения и взаимопонимания между народами

Мемориал "В память жертвам Главлага VI А" у главных ворот казармы им. Блюхера символично представляет военный плен. Площадь перед мемориалом вымощена гранитным булыжником, вынутым из мостовой улицы Остеншлагштрассе. По этой булыжной мостовой плелись сотни тысяч измученных людей, более 23000 человек были перевезены по ней на кладбища.

"В памяти - секрет примирения", - сказал бывший президент ФРГ Рихард фон Вайцзекер. Эти слова точно отражают замысел этого мемориала. Обещание генерала фон Хайдендала, что после перестройки казармы будет воздвигнут мемориал в память о временах Главлагов, поддержал Эмиль Нэнзель и постарался реализовать своё, долгое время лелеянное, желание. Комендант казармы Эрнст Эльберс, майор Хильбих и фельдфебель Рошак взяли за этот проект и предложили нынешнее место под мемориал, а Альберс постарался претворить план в жизнь.

Финансирование проекта поначалу было связано с трудностями. Возвание Эмиля Нэнзеля к жителям города Хемер, кампания фельдфебеля Рошака по сбору пожертвований между солдатами и устроенная городским архиваром Эберхардом Томасом продажа собрали сумму в 14410 немецких марок. Остальные расходы взял на себя город Хемер.

12 октября 1992 года начались строительные работы. Спустя неполных шесть недель, в поминальное воскресенье - 22 ноября 1992 года, при большом участии жителей Хемера, бундесвера и многочисленных гостей мемориал был торжественно открыт. На торжественном открытии выступали с докладами: бургомистр города Клаус Бурда, подполковник Эрнст Эльберс и доктор Николай Иванович Губарев, принимавший большое участие в работах по созданию мемориала. Протоиерей Сергей Александрович Киселёв из города Щёлково справил русскую православную литургию.

В своём благодарственном письме в адрес всех пожертвовавших на строительство мемориала инициаторы сборов: Рошак, Нэнзель и Томас резюмировали предназначение мемориала. Письмо приводится поэтому почти полностью:

"Граждане и солдаты нашего города переняли инициативу создания мемориала на историческом месте лагеря военнопленных - Главлаг VI А в память о мучениях и смерти людей, находившихся за колючей проволокой.

Этот мемориал воздвигнут из чувства благодарности за то, что сегодня мы можем жить в мире и обязывает нас, именно здесь, в

Хемере, критично относиться к особенно горестному разделу нашей истории. Мы обязаны помнить не только о более 23000 погибших, но также и о тех оставшихся в живых, которые вышли из лагеря с подорванными здоровьем и психикой.

Мемориал у главных ворот казармы им. Блюхера из шероховатого бутового камня символизирует собой стену - как непреодолимую преграду для людей, находящихся в плену, не позволяющую вырваться из этого места несвободы, муки и смерти. Решётчатые ворота - это путь к жизни, закрытый для людей из лагеря. Многочисленным пленным различных национальностей, а в большинстве русским, не удалось перешагнуть эти ворота к жизни и свободе, так как презрение к человеку, лишения, голод и заболевания привели к смерти многих тысяч людей. Они покоятся в земле этого города и, поэтому, они отданы нам на попечение. Они имеют право на память и предупреждают нас: *никогда больше не допустите создание подобных мест смерти и унижения человеческого достоинства!*

Наше уважение отдано тем людям, которые в трудное время делали добро друг другу. Особенно в последние недели, после нашего призыва о сборе пожертвований, и во время строительства мемориала, мы узнали, столько доброго сделали некоторые граждане города для облегчения нужды военнопленных, порой подвергая и себя опасности. Эдмунд Веллер, бывший хауптман администрации лагеря, а с другой стороны - д-р Николай Иванович Губарев, как бывший пленный, относятся к тем, которые сочувствовали и старались помочь своим ближним.

Новый мемориал является символом примирения и не должен восприниматься как претворённое в камне обвинение. *В памяти - секрет примирения."*

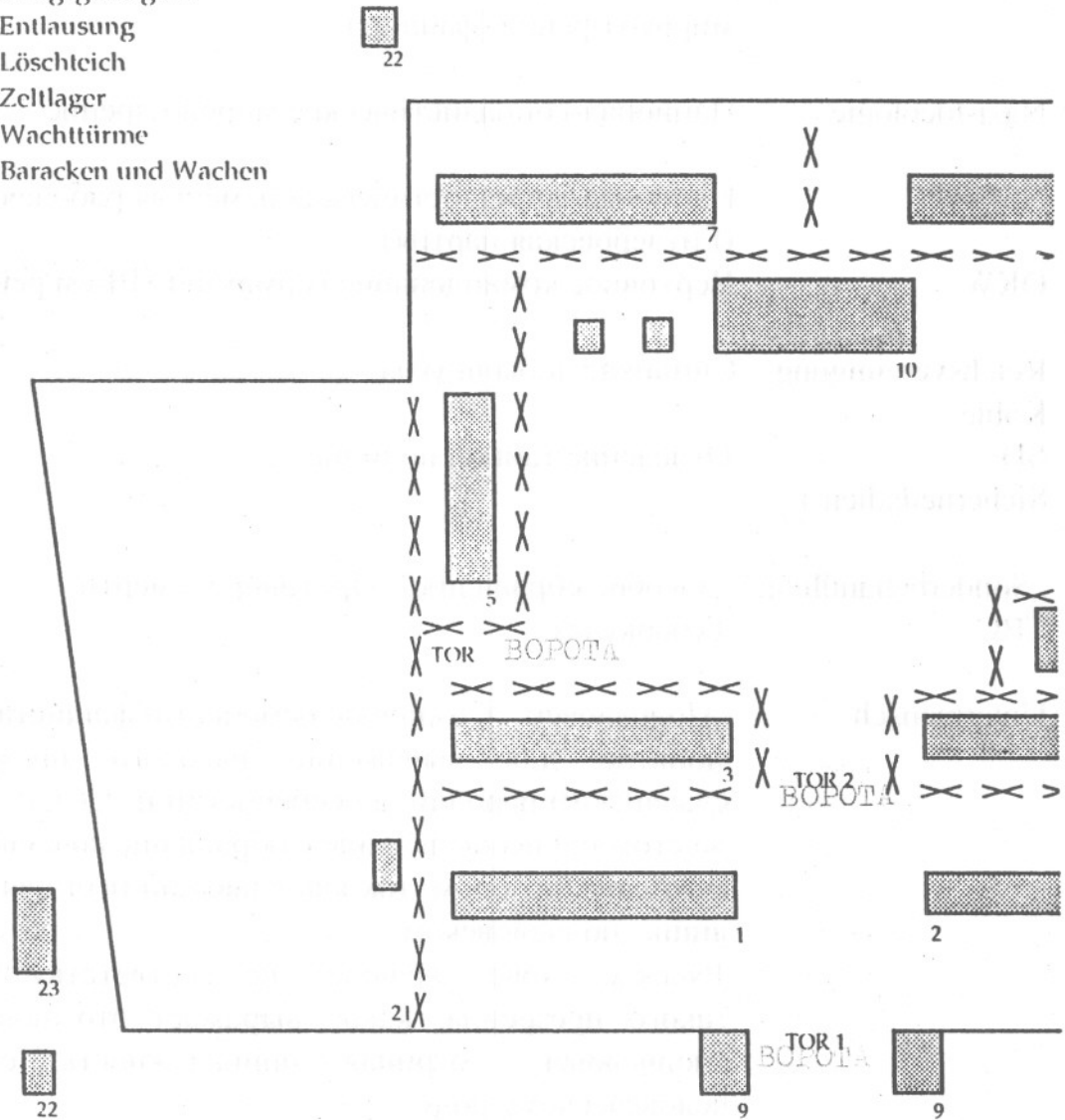
Глоссарий

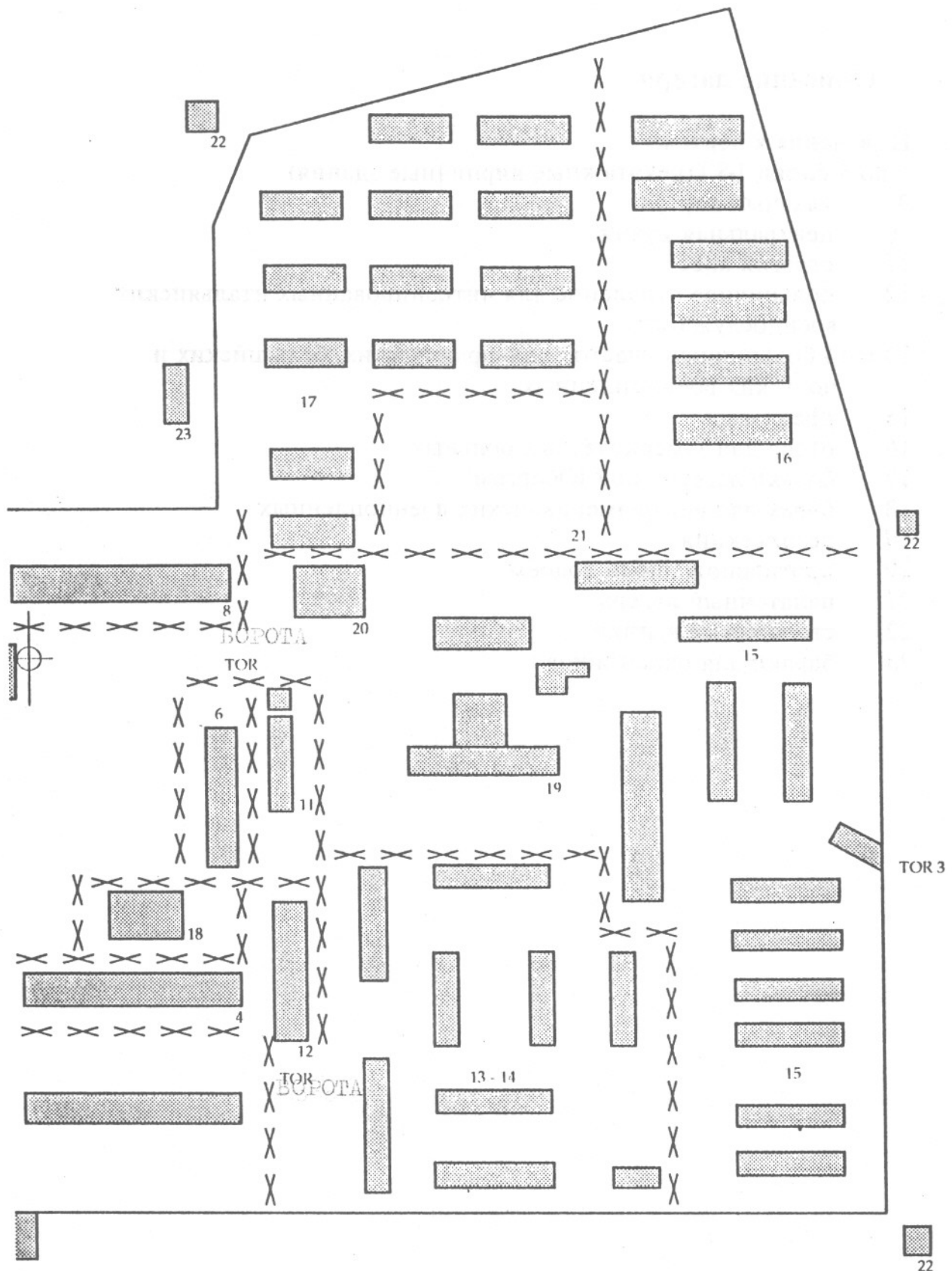
Abwehr	Военнополитическая контрольно-защитная служба (антишпионаж)
Arrest (strenger)	Арест (строгий). Лишение свободы со строгим режимом
Arbeitsamt	Биржа труда. Государственное посредничество между работодателем и рабочим.
Arier	Ариец = „благородный“. Так называли себя белокожие иранцы, служившие у монгольских владык Северной Индии. Хотя немцы сами входят в индоевропейскую языковую группу, национал-социалисты употребляли исключительно понятие индогерманская группа, исключив из неё славян и присвоив выражение „ариец“ себе. Фашисты ложно придали этому выражению дополнительное значение: „не семит“. Как „уроженцы“ этого искусственного рода „благородные несемиты“ извлекали себе право на „расовое превосходство“, которое, по собственному мнению, разрешало им даже физически истреблять „семитов“ и каждого „подчеловека“, т.е. людей, не принадлежащих к „арийской расе“.
Ardenenoffensive	Последнее немецкое наступление на западе в 1944 г. (Против американских вооружённых сил)
Bundespräsident	Федеральный президент, глава ФРГ.
Generalfeldmarschal	Генералфельдмаршал. Главнокомандующий группой войск или нескольких дивизий.
Gestapo	Тайная государственная полиция под управлением немецкой национал-социалистической партии.
Hilfswillige (Hiwis)	„Добровольные помощники“. Иностранные коллаборационисты на немецкой службе (также и при вермахте).
Kompanie	Рота солдат (около 150 человек).

Lager-Quarantäne	Карантин. Изоляция при эпидемических заболеваниях
Luftschutzoffizier	Офицер уполномоченный для принятия оборонительных мер во время воздушных налётов.
Militärinternierte	Военноинтернированные. Иностранцы солдаты в заключении за границей. Не имеют статуса военнопленных.
Nazi	„Наци“ - сторонник национал-социалистического мировоззрения (фашист)
Nazi-Ideologie	Национал-социалистическое мировоззрение.
NSDAP	Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (Гитлеровская партия)
OKW	Верховное командование вермахта в III-ем рейхе.
Reichsvereinigung Kohle	Синдикат добычи угля
SD= Sicherheitsdienst	Отделение тайной полиции
„Sonderbehandlung“	„Особое обращение“. Приговор к смерти.
TBC	Туберкулёз
Untermensch	„Подчеловек“. Созданное немецкими фашистами новое понятие для выражения расового презрения к славянским народам, в особенности из СССР. Самое жестокое и несправедливое обращение со славянами не считалось позором, так как славянин был для фашиста лишь „подчеловеком“. Русское слово „нелюди“ не соответствует уровню такого презрения, какое выражает это новое слово „подчеловек“, отрицая принадлежность славян к человеческому роду.
Volkshochschule Vorlager	Народный университет. (Вечерняя школа для взрослых „Предлагерь“. Здесь: место приёма новоприбывших военнопленных.

Lagerbeschreibung Stalag VI a

- 1 bis 8 Block 1 bis 8 (Steinbauten)
- 9 Hauptwache
- 10 Zentrale Lagerküche
- 11 Strenger Arrest
- 12 Krankenstation für italienische Militärinternierte
- 13 bis 14 Krankenreviere für französische, belgische und polnische Kriegsgefangene
- 15 Vorlager
- 16 Tbc-Lager
- 17 Barackenlager unter dem Jüberg
- 18 Baracke für alliierte Kriegsgefangene
- 19 Entlausung
- 20 Löschteich
- 21 Zeltlager
- 22 Wachtürme
- 23 Baracken und Wachen

Описание лагеря

Пояснение к чертежу

1 до 8 блоки 1-8 (трёхэтажные кирпичные здания)

9 главный караул

10 центральная кухня

11 строгий арест

12 больничное отделение для интернированных итальянских военнопленных

13 и 14 больничный участок для французских, бельгийских и польских военнопленных

15 предлагерь

16 отдел для туберкулёзных больных

17 бараки лагеря "под Юбергом"

18 барак для англо-американских военнопленных

19 дезинсекция

20 противопожарный водоём

21 палаточный лагерь

22 сторожевые вышки

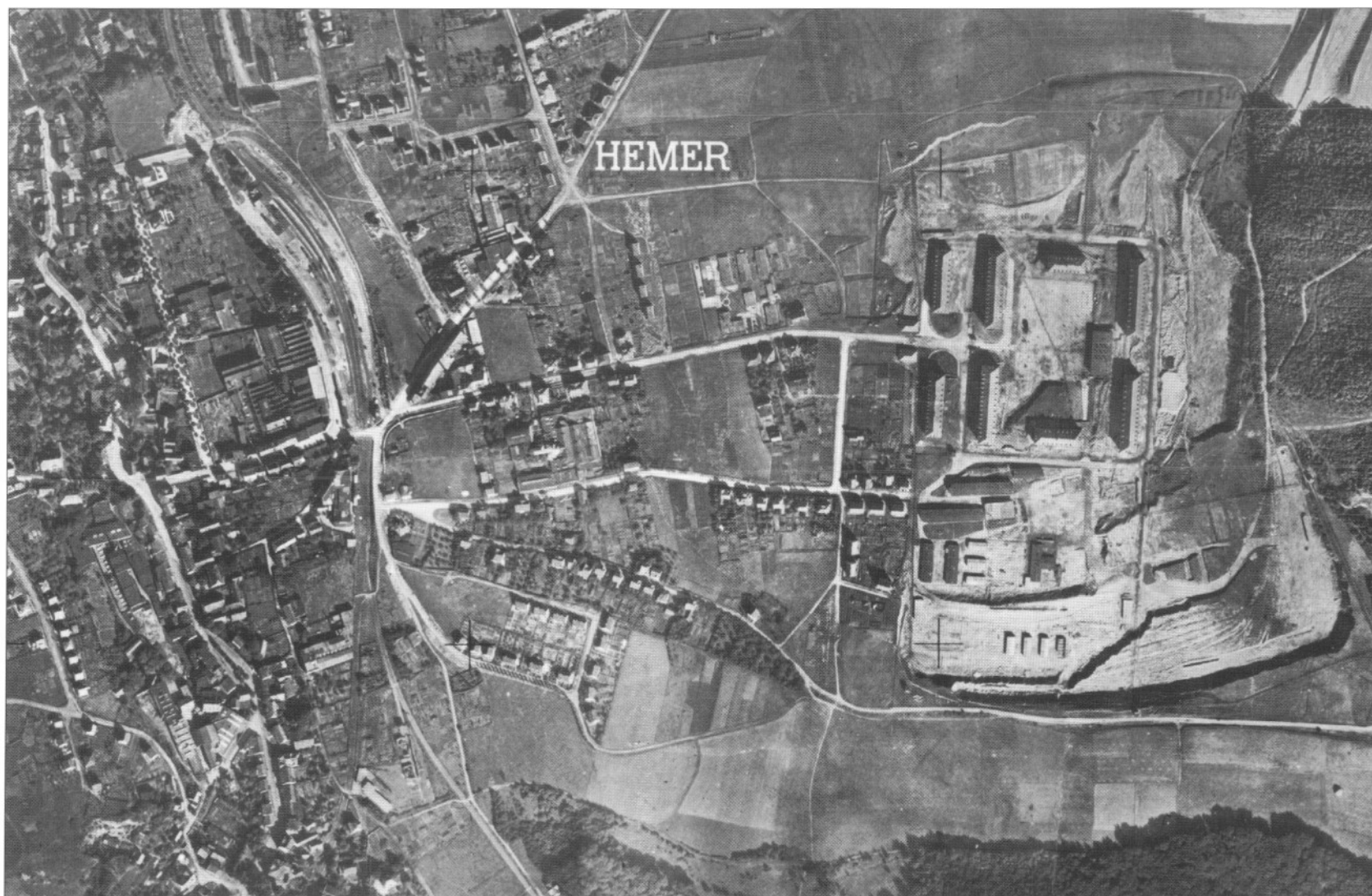
23 бараки для охранников

1. Н.И. Губарев принимает с рук бургомистра К. Бурды „Почётную Грамоту“ города Хемера. 21 сентября 1993 г.

2. Вид на лагерь с пулемётной вышки № 4.

3. Воздушная съёмка сделана 20.09.1941 года. Вид на лагерь ещё без бараков на его южной части.

4. Один из блоков лагеря в 1941 году.

5. Блок № 1 сегодня.

6. Д-р Нордио, д-р Дорохин и Н. Губарев (слева на право) после освобождения лагеря в мае месяце 1945 года.

7. Н. Губарев и д-р Старушенко; май 1945г.

8. Освобождённые военнопленные перед блоком № 7.

9. По приказу американских властей, отряд под командой Н. Губарева сжигает бараки помещавшие больных туберкулёзом.

10. Д-р Герхард Клау (слева) с комендантом у главных ворот лагеря.

11. „Получают еду“. У кухни лагеря.
Акварель советского военнопленного А. Климанова от 02.03.1945 года.

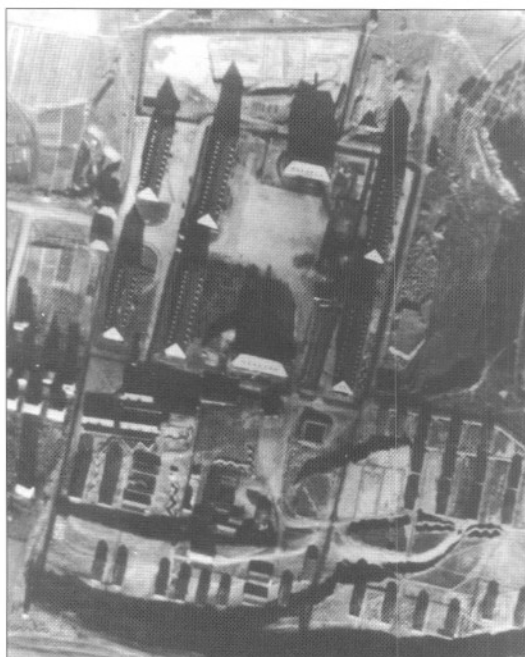
12. Лагерные талоны.

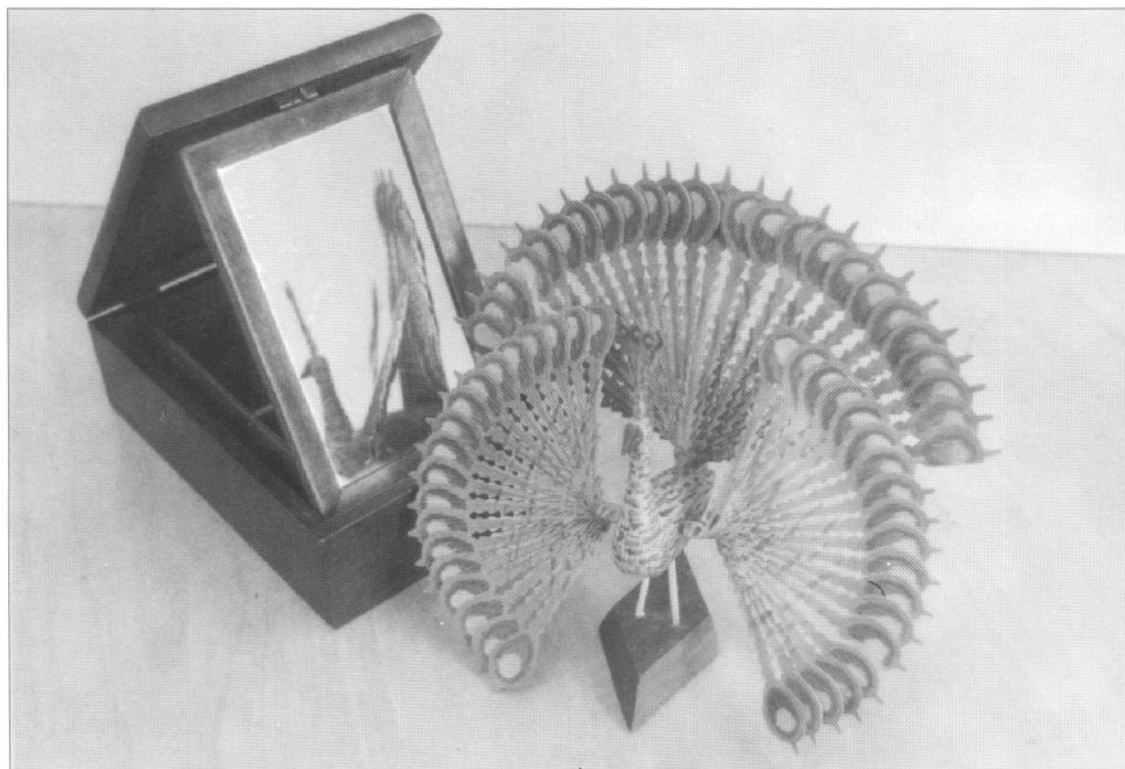
13. Казначейство Главлага VI А; на столе лагерные талоны.

14. Хауптман Эдмунд Веллер.

15. Воздушная снимка Главлага снятая американскими ВВС 16.12.1944 года; с бараками на южной части лагеря.

16. Самodelки советских военнопленных: коробочка для бритвы и павлин.

17. „Лазарет“ лагеря после освобождения. 28.04.1945г.

18. После освобождения. Бывшие военнопленные готовят добавочную еду.
28.04.1945г. перед блоком № 7.

ГЕМЕР	ROOSEVELT.
Сборный лагерь [REDACTED] I	CAMP [REDACTED] No. 7
№ 40	N 40
„[REDACTED]“ июня 1945 г.	„22“ June 1945
УДОСТОВЕРЕНИЕ	IDENTIFICATION CARD
освобожденного военнопленного	FOR LIBERATED ALLIED PW
Советского Союза	OF SOVIET UNION
Предъявитель сего <u>тех. п. т.</u>	<u>Lieut-Technician</u>
<u>Губарев Николай Иванович</u>	<u>GUBAREV Nikolai Ivanovich</u>
фамилия, имя, отчество	last name 1st name fath. name
состоит в списках лагеря в должнос-	inlisted in the camp roll
ти <u>н.с. команд. роты</u>	<u>Chief of Fire Service</u>
„[REDACTED]“ рота, „[REDACTED]“ батальон.	company..... battailion.....
<u>[Signature]</u>	signature
личная подпись владельца удостоверения	
Нач-к лагеря: <u>к-н Еллова</u>	Camp commander: <u>[Signature]</u>
Нач-к штаба лагеря: <u>СШ. П. Г. А. [Signature]</u>	chief of staff: <u>[Signature]</u>

19. Временное „Удостоверение личности“ бывших военнопленных Главлага, теперь „Кэмп Рузвельт“.

20. Бывшие военнопленные выстроились на площади лагеря на поверку в день праздника 1-е мая 1945 года. На шинелях советских военнопленных буквы SU (Sowjetunion) - Советский Союз.

21. Собрание бывших военнопленных на главной площади лагеря. 01.05.1945г.

22. Освободители празднуют 1-е мая 1945 года вместе с бывшими военнопленными в казино караула.

23. Памятник на русском кладбище на улице Хёхлингзервег.

24. Русская, бельгийская и немецкая молодёжь посетила 02.06.1994 г. кладбище на Дуло.

25. Кладбище на Дуло; предположительно зимой 1942/1943 гг.

26. Мемориал на кладбище Дуло;
рисунок Германа-Иосифа
Гайсмана 1993 г.

27. Советский мемориал на кладбище
Дуло.

28. Кладбище Дуло, осенью 1994 г.

29. Мемориал у бывшего Главлага VI А.

30. Торжественное открытие мемориала у бывшего Главлага VI А (ныне казармы им. Блюхера) 22.11.1992 года. Позже, в помещении караула, соорудилась „Комната Памяти“.

31. Посетители „Комнаты Памяти“ бывшего Главлага VI А.

ГЛАВЛАГ VI A ХЕМЕР
Лагерь военнопленных
1939 - 1945
Документация

STALAG VI A HEMER
Kriegsgefangenenlager
1939 - 1945
-Eine Dokumentation-